

Тайна печатей

Анхель де Куатьэ

"Иди и смотри"

третья печать

книга третья

Свет прошел сквозь царство Тьмы...

Третья Печать освободила Сердце!

Смогли бы вы отказаться от любви? А расстаться со своим правом на счастье? Иногда нам кажется, что мы должны это сделать — из благородства, из чувства долга, от безысходности. Но как такое возможно?! Героиня новой, пленяющей книги Анхеля де Куатьэ не понимала себя. Она потерялась, запуталась, лишилась сил. Все, что ей оставалось, это лишь тихо завидовать самой себе — той, которой она могла бы быть, той, которой она мечтала бы стать, той, которой не было...

Он верил, что Ад существует. Она верила в существование Рая. Когда она умерла, то узнала, что Ада нет. Когда полюбила — поняла, что не хочет Рая. Ведь истинная любовь свободна от стыда.

Кто не изведал отчаяния, тот не узнает и счастья...

Оглавление:

[Предисловие](#)

[Пролог](#)

[Часть первая](#)

[Часть вторая](#)

[Часть третья](#)

[Эпилог](#)

«И когда Он снял третью печать, я слышал третье животное, говорящее: иди и смотри.

Я взглянул, и вот, конь вороной, и на нем всадник, имеющий меру в руке своей.

И слышал я голос посреди четырех животных, говорящий: хиникс пшеницы за динарий, и три хиникса ячменя за динарий; еля же и вина не повреждай».

Откровение святого Иоанна Богослова 6:5,6

Предисловие

Тайна третьей Печати перевернула все мои представления о событиях последних трех-четырёх месяцев. Раньше я думал — мы нашли Скрижали, а Тьма предпринимает попытки взять реванш. Что это ее последний шанс, и она приложит все силы, чтобы уничтожить нас.

Данила даже пошутил: «Если на твоём пути повстречались бесы, значит, ты делаешь хорошее дело». Я не понял этой поговорки и попросил мне ее объяснить.

— Анхель, — сказал Данила, — допустим, ты делаешь плохое дело. Как силы зла к этому отнесутся?

— Ну, я не знаю, Данила, — ответил я. — Вероятно, они будут рады.

— Правильно, — согласился Данила. — А если ты делаешь хорошее дело? Как думаешь, они будут тебе препятствовать?

— Вероятно, да, — предположил я. — Будут.

— Вот поэтому в России и говорят: берешься за хорошее дело — жди проблем. Если ты делаешь что-то плохое, ты катишься по наклонной. Легко и просто. Никаких препятствий! Был вот тут... — Данила показал у себя над головой, — а окажешься там.

Данила ткнул пальцем в пол и улыбнулся. Его всегда умиляет необходимость объяснять мне очевидные, на его взгляд, вещи.

— А когда цель у тебя светлая, — продолжил я, — ты находишься внизу, а идти надо вверх. Это трудно. И если тебе встретились «бесы», то есть препятствия, значит, ты делаешь хорошее дело — идешь вверх.

— Именно! — подтвердил Данила. — И чем ближе ты к цели, тем сильнее тебя атакуют «бесы».

Действительно, это все объясняет. Это объясняет попытки Тьмы воплотиться в конкретных людях. Это объясняет, почему мы сталкиваемся с таким количеством трудностей. Все логично — мы боремся за Свет, а Тьма борется с нами. Все логично. И нужно продолжать идти. А я должен продолжать писать, рассказывать о Всадниках Тьмы.

Но тайна третьей Печати перевернула всю эту логику с ног на голову...

— Анхель, оказывается, все считают, что автор твоих книг — я. — Он выглядел недовольным, но отреагировал на эту новость со свойственным ему чувством юмора. — Решили опровергнуть собственную истину — «нет пророка в своем отечестве». Или доказать...

— Ты расстроился? — спросил я, чувствуя себя неловко и виновато.

— Не бери в голову, — ответил Андрей. — Другое расстраивает.

— А что?

— Мне кажется, никто не понял первой Печати, — пожал плечами Андрей. — Есть подозрение...

— С чего ты взял? — не поверил я.

— С чего я взял? — улыбнулся Андрей. — Ну, ты сам мне скажи — о чем первая Печать?

— О власти, — ответил я.

— О какой власти? — Андрей поднял правую бровь.

— Ну, о какой?.. — задумался я. — О власти, о желании доминировать, одержать превосходство...

— И в чем это может проявиться? — теперь у него выгнулись обе брови.

— Да в чем угодно, — не задумываясь ответил я.

— Предельно точный ответ. И вот два человека спорят... Ради чего?

— Хотят доказать друг другу свою точку зрения, — сказал я и тут же понял причину огорчений моего друга. — Превосходство своей точки зрения...

— Абсолютно верно. Но ведь у каждого человека свой опыт, свое прошлое, свое воспитание, образование... Вероисповедание, в конце концов! Поэтому одна точка зрения просто не может превосходить другую. Это невозможно. Этого, как говорят физики, не может быть, потому что не может быть никогда. Другое дело, если ты хочешь открыть человеку что-то важное... Но в этом случае ты должен дать ему *это* почувствовать. Другого пути нет. А что чувствуют спорщики?

— Отрицательную энергию спора, — констатировал я.

— И почему? Потому что они не пытаются открыться друг другу. Они, наоборот, — одеваются в латы собственных принципов и бросаются на соседние баррикады. Но ведь это и есть первая Печать!

— Да, ты прав, Андрей, — согласился я.

— И ты вспомни, в чем была проблема с первой Печатью, — продолжил Андрей. — Копье — это ведь так, для отвода глаз. Это было *наше испытание*. Нас испытывали. Когда мы попали сюда, к Гаптену, у нас дух захватило от открывающихся возможностей! С помощью

всех этих бесчисленных устройств, информационных сканеров, матриц и так далее, наконец, с помощью организационных возможностей ВААЗ можно ведь добиться чего угодно! И кажется, почему бы не воспользоваться всем этим, ведь цели-то у нас благие! Но в том-то все и дело, что нельзя!

— Если Свет идет путем Тьмы — доказывая свое превосходство, Он перестает быть Светом... — понял я.

— Разумеется! — пожал плечами Андрей. — И вот несколько людей, искренне верующих в то, что они сердцем болеют за Свет, бьются друг с другом не на жизнь, а на смерть! Один видит истину так, другой — иначе, и что дальше?.. И посмотреть, что они пишут! Один говорит: «Я опровергаю, потому что я должен следовать истине!» Ему отвечают: «Ты просто слеп и ничего не понимаешь. Божественная Любовь учит нас...» И дальше по тексту. Вот тебе и первая Печать. Эти два диспутанта всех форумчан распугали. Нет, правильно говорят — воинствующий верующий хуже смиренного атеиста.

Если свет идет
путем Тьмы —
доказывая своё
превосходство,
Он перестает быть Светом.

— Только вот где вы видели смиренных атеистов? — грустно пошутил я.

Андрей погрузился в раздумья. Я смотрел на него, сидящего в кресле у письменного стола, и вдруг что-то во мне дрогнуло.

— Андрей, а ты действительно думаешь, что испытывают нас? — шепотом (сам не знаю почему) спросил я.

— Подумай сам, — тихо отозвался Андрей, словно заглядывая мне в душу. — Вот с Ниной, вавилонской блудницей, разве не наше это было испытание? Благая цель спасти Данилу — помнишь? Мы же просто ослепли здесь все: «Не отдадим Данилу! Это наш Данила!» Понимаешь?! И вторая Печать — о чем? Об эгоизме. Вот и спрашивается теперь: чье это было испытание? Кого испытывали? Мы же во всех этих «Всадников», как в зеркало, смотримся...

У меня перехватило дыхание.

До сих пор мне казалось, что есть Свет, а есть Тьма. Свет у человека внутри, а Тьма агрессивно на него нападает. Это может проявляться по-разному — Тьма искушает человека, ставит его в безвыходное положение, давит обстоятельствами. Мне всегда казалось, что Тьма — это что-то внешнее, чужеродное. То, с чем мы должны бороться как с агрессором. Но сейчас я вдруг отчетливо понял — нет, Тьма в нас, внутри.

Мы хотим доминировать — своим мнением, своими взглядами, решениями. И даже если втайне мечтаем, чтобы кто-то руководил нами — принимал за нас решения, брал на себя нашу ответственность, действовал — мы все равно ждем от него соответствия *нашим* планам и желаниям. А другого «начальства» нам не нужно. Нет. И сколь бы ни была «прекрасна» цель нашего превосходства — это все равно Тьма, первая Печать.

Кровь, несправедливость, войны, предательство и жестокость — все это большие последствия нашего «маленького греха» — желания доминировать, стремления к власти. Мир пронизан этой страстью.

Мы хотим доминировать — своим мнением, своими взглядами, решениями. И даже если втайне мечтаем, чтобы кто-то руководил нами, мы все равно ждем от него соответствия *нашим* планам и желаниям.

Сколько боли мы пережили просто потому, что кто-то хотел быть для нас «старшим»? Сколько боли мы сами принесли другим людям, пытаясь наставить их на «путь истинный»? Даже в любви, как это ни странно, ни ужасно, мы пытаемся быть «первыми»... Помните этот страшный вопрос: «Кто *сильнее* любит?»

И со второй Печатью... Мы ведь даже не замечаем своих желаний! Это так естественно — встать, когда тебе хочется стоять, сесть, когда тебе хочется сидеть, говорить, когда тебе хочется высказаться. В нас бездна желаний, именно они движут нами. Но кругом другие люди, а у них свои желания. И зачастую наши желания идут вразрез с их желаниями. И что же мы делаем? Мы

называем их «плохими». А это и есть эгоизм, вторая Печать.

Но где же наше подлинное, искреннее уважение к Другому? Где наша истинная Любовь к нему — к этой маленькой Частице Света, заключающей в себе весь Свет Мира? Разве возможна гармония жизни без этого искреннего и трепетного отношения к Человеку, стоящему напротив нас и глядящему нам в глаза? Нет, если этого не будет, то не будет и гармонии, не будет и Царства Света. Так в ком еще проблема, если не в *нас самих*?

Да, со Скрижалями было все проще. Внешне, по крайней мере. Мы сначала находили суть, Истину Света, а только потом, вслед за этим, облекали ее в слова. А здесь, с Печатями, все наоборот. Мы сначала находим слова, обозначающие Тьму, и лишь затем, постепенно, оглядываясь назад, начинаем понимать, что скрывается за этими словами — «власть», «эгоизм»...

Узнать, увидеть, признать свой «грех» — это первый спасительный шаг. Нельзя вылечить человека, не установив прежде его болезни. Нельзя освободиться от внутренней боли, если ты не понял ее природы. Нельзя, наконец, сделать свою жизнь чище и светлее, если ты брезглив и боишься испачкаться. «Знаешь, в чем сила Солнца? — говорил мой дед. — Оно всегда заглядывает в темноту». Мы испытываем ужас и, вместе с тем, внутреннее преображение!

И сейчас мы ждем третьего «Всадника». Это станет новым испытанием для всех нас. Но мы не будем бояться, не будем щуриться и отводить глаз. Мы пойдем навстречу неизвестному, чтобы найти себя. Мы откроем свой Свет. Мы встретимся с самими собой. Возможно, эта встреча сначала разочарует нас. Ну что ж... Если на вашем пути не было препятствий, спросите себя — быть может, вы и не двигались с места?..

— Но ты же не веришь в мистику? — спросил я Андрея.

— Нет, не верю, — ответил он.

— Но в человеке есть Тьма?

— Ну, судя по всему... — Андрей словно припоминал все, что случилось с нами за последнее время. — Да. Есть.

— Это потому что в нем Свет есть, потому и Тьма должна быть, да? Потому что добро и зло — необходимы друг другу по закону противоположностей? Они уравнивают друг друга?

Узнать, увидеть, признать свой «грех» — это первый спасительный шаг. Нельзя вылечить человека, не установив прежде его болезни. Нельзя освободиться от внутренней боли, если ты не понял ее природы. Нельзя, наконец, сделать свою жизнь чище и светлее, если ты брезглив и боишься испачкаться.

Андрей задумался и через какое-то время ответил:

— Я не думаю, что Тьма в нас — это какое-то «зло», Анхель. Ведь любое «плохо» — это оценка, а оценка всегда иллюзорна. Оценка — это результат сравнения. «Плохо» невозможно без «хорошо», как «верх» не может без «низа». Но Истина — она сама по себе. Ей не нужны сравнения и противопоставления. Она — *то, что есть*. Так что, если Тьма и существует, то это не «зло», это просто препятствия на пути к Свету.

Меня потрясли эти слова.

Вспомнилось, что сказал Источник Света, явившись Даниле на берегу Байкала: «Я начал движение Света, чтобы заменить Им Тьму. Тьма — это просто материя, то, что можно воспринимать. Она масса, которая не имеет своей Силы, но Она есть». Тьма — не злой гений, у нее нет своей силы. Она — это мы, которые должны стать Светом, пропуская через себя Свет, данный нам свыше, от Источника Света!

* * *

Дверь в комнату широко распахнулась. На пороге стоял Гаптен — растерянный, даже испуганный.

— Пойдемте! — позвал он. — Скорее!

— А что случилось? — спросил Андрей.

— Данила просматривал данные, и с ним что-то произошло. Не знаю, что, но так это оставлять нельзя, — коротко объяснился Гаптен.

Мы бросились в центральный узел. Сюда стекается вся информация об энергетическом поле планеты. Чередуюсь друг с другом, мы день за днем просматриваем эту информацию на больших экранах. На одном — схема, похожая на географическую карту. На другом — цифровые данные. На третьем — основном, в целую стену — изображение, картина происходящего, созданная специальной информационной матрицей. Все это вместе позволяет отслеживать концентрацию отрицательных энергий и следить за воплощением Тьмы.

«Плохо» — это оценка, а оценка всегда иллюзорна. Оценка — это результат сравнения. «Плохо» невозможно без «хорошо», как «верх» не может быть без «низа». Но Истина — она сама по себе. Ей не нужны сравнения и противопоставления. Она — *то, что есть*. Так что, если Тьма и существует, то это не «зло», это просто препятствия на пути к Свету,

Я вбежал в центральный узел вслед за Гаптенем и остолбенел. Нет, не от ужаса. От красоты... Передо мной всеми цветами радуги светилась картина рая. Огромное, фантастическое, словно нарисованное небо обволакивало бескрайние просторы океана. Словно с высоты птичьего полета я увидел десятки маленьких и больших островов, девственную природу — нетронутые леса, заливные поля, холмы и горные вершины. Рай. Никогда в жизни я не видел ничего прекраснее.

— Дыхание ровное. Пульс немного учащен, но не критично, — услышал я голос Андрея и усилием воли заставил себя оторваться от завораживающего зрелища на экране. — Зрочки, правда, расширены. На движение руки не реагирует. Что бы это могло быть?..

Андрей склонился над Данилой. Тот сидел в кресле, его тело обмякло и едва подавало признаки жизни.

— Не знаю... Не знаю... — растерянно повторял Гаптен, сжимая руками голову. — Может быть, синхронистичность?..

— Синхронистичность? — Андрей удивленно посмотрел на

Гаптена. — В каком смысле? В юнгианском?.. Когда бессознательные сущности попадают в резонанс и начинают действовать вместе?

— Да, именно! — Гаптен всплеснул руками. — Конечно, как я сразу не догадался!

Наконец, я пришел в себя и ужаснулся:

— Господи, что?! Что с Данилой?!

— Гаптен, а тебе не кажется, что и на Анхеля это тоже как-то действует? — спросил вдруг Андрей.

Они с Гаптенем переглянулись.

— Что действует?! О чем вы говорите?! Что с Данилой?! — я задрожал всем телом, кинулся к другу и стал трясти его за плечи. — Данила! Данила! Что с тобой?! Данила, ответь мне! Ответь!

— Анхель, с Данилой все в порядке. По крайней мере, с медицинской точки зрения, — констатировал Андрей и внимательно посмотрел мне в глаза. — Не волнуйся, пожалуйста. Не волнуйся... Гаптен думает, что Данила настроился на внутренний мир человека, находящегося по ту сторону информационной матрицы, и между ними возник резонанс. Я правильно излагаю?

Андрей вопросительно посмотрел на Гаптена. Я тоже перевел свой взгляд на него.

— Да. Это единственное разумное объяснение... — развел руками Гаптен.

— А теперь, Анхель, ответь мне на один вопрос, — Андрей снова внимательно посмотрел мне в глаза. — Ты ведь что-то почувствовал, войдя сюда? Что-то особенное? Необычное?

— Я?.. — я задумался, словно и не помнил, что случилось со мной еще минуту назад. — Да!

Я вспомнил. Я пережил ощущение, словно оказался в раю.

— Мне показалось, что там рай, — я показал на экран.

— Синхронистичность, — уверенно сказал Гаптен. — И Анхель, и Данила — они чувствуют, что там происходит. Какая-то сила их туда затягивает.

Мне вдруг стало смешно, забавно. Они так серьезно об этом рассуждали... Но ведь это возможно только в пространстве сновидений. Этого не может быть в реальном мире. Я посмотрел на экран. Там по-прежнему был рай — удивительный, прекрасный, завораживающий.

— Анхель! Анхель! Анхель! — испуганные голоса Гаптена и Андрея звали меня.

Я улыбнулся. Звук их голосов шел откуда-то сверху, словно через множество слоев плотной ваты...

Пролог

«Подойдя к дверце, она обнаружила, что забыла золотой ключик на столе, а вернувшись к столу, поняла, что ей теперь до него не дотянуться. Сквозь стекло она ясно видела снизу лежащий на столе ключик. Она попыталась взобраться на стол по стеклянной ножке, но ножка была очень скользкая».

Льюис Кэрролл, написавший эти строки о своей Алисе, на протяжении всей книги играет с нами в одну и ту же игру. Он разыгрывает сон.

В этом сне мы всегда меньше нужного или слишком велики, чтобы попасть туда, куда нам хочется. Войти в двери нельзя, потому что не известно как. Прекратить пить чай невозможно — по столь же нелепой причине (якобы что-то случилось со временем!). Сыграть в крокет и вовсе нет никакой возможности — фламинго берегут голову. А как же в крокете без молотка? И даже если нам вдруг вздумается отрубить Чеширскому Коту голову — все равно ничего не получится — ведь кроме головы у него ничего нет.

Если все в этом «сне» поменять на реальные события — несоответствующие размеры на деньги, закрытые двери на духовное пробуждение, бесконечное чаепитие на рутину быта, абсурдный крокет на самосовершенствование, а голову Чеширского Кота на голос совести, то получится реальная жизнь. «У нас, — говорит Королева из "Зазеркалья", — если вы бежите во весь опор, то попадаете в то же самое место. А если хотите добраться куда-нибудь еще, нужно бежать по крайней мере вдвое быстрее!»

Льюис Кэрролл рассказывает нам сон. Но на самом деле, все в этом сне — чистая правда. Приключение Алисы, которое поначалу казалось прекрасным и удивительным, постепенно превращается в ужасное и чудовищное. Алиса раз за разом оказывается заложницей обстоятельств. И все больше мечтает быть другой.

«Если бы...» — ее любимые слова. И это она завидует, но не кому-нибудь, а самой себе! «Вот, если бы я была... Вот если бы я умела... Вот, если бы я могла...» Она завидует Алисе, которой не существует в природе! Она завидует себе, которой нет! И так ведь со всякой завистью!

Вместо того чтобы, глядя на красивого, умного и талантливого, становиться красивыми, умными и талантливыми, мы зубоскалим. И бог с ним, с этим зубоскальством! Мы сами не становимся лучше, глядя на прекрасное. Вот беда! Мы упускаем свой шанс...

Вместо того чтобы, глядя на красивого, умного и талантливое, становиться красивыми, умными и талантливыми, мы зубоскалим. И бог с ним, с этим зубоскальством! Мы сами не становимся лучше, глядя на прекрасное. Вот беда! Мы упускаем свой шанс...

Но это нужно осознать. И Льюис Кэрролл создает для своей любимой Алисы такую страну, где завидовать, кроме как себе, просто некому. Здесь все несчастны — и короли, и валеты, и кролики, и герцогини. Не позавидуешь и Шивороту, не позавидуешь и Навывороту. Только себе.

И всякий раз в конце сказки Алиса переживает это осознание, перестает заискивать и внутренне освобождается. Она говорит «Нет!» карточным королям. Она говорит «Нет!» шахматным королевам. Она говорит «Нет!» иллюзии, чтобы стать собой.

То, что мы называем мечтой, часто на поверку оказывается завистью. Завистью к себе будущим к себе — другим, к себе — таким, каких нет, не существует в природе. И только убив в себе эту зависть, мы обречем себя и сделаем невозможное возможным.

Часть первая

*Ранее утро. Солнце купается в океане.
Нежно-зеленые воды бухты
отражая его лучи, кажутся изумрудными.
Далеко-далеко, где-то
на линии горизонта, мелькает парус.
Небольшой двухэтажный дом
стоит прямо на берегу
Тихого океана в местечке
под названием Потуа.
Это предместье Окленда.
Окна просторной кухни-столовой выходят
в миниатюрный садик. Он как игрушечный —
оградка, калитка, несколько розовых кустов
и забытое с вечера на поляне
плетеное кресло-качалка.*

Лора всем телом нависла над мойкой. Горячая проточная вода обжигает дрожащие руки. Больно. Но именно это Лоре сейчас нужно. Пусть вода будет горячее. Еще. Лора медленно поворачивает вентиль с красной отметкой. Хорошо. Боль до бесчувствия, до немоты. Руки стали пунцово-красными, словно подсвеченные изнутри.

Нет, она не будет плакать. Лора прикусит губу и не будет плакать. Нельзя. Ручейки слез предательски побежали по щекам... Нет, она сдержит рыдания, она сможет. Она не закричит. Кран с горячей водой вывернут до отказа. Все нормально. У нее получится. Она знает, что нужно. Нужно взять себя в руки. Все будет хорошо. Лора закрыла глаза.

Зачем она согласилась пойти на эту встречу?! Как нелепо! Зачем?! Но откуда ей было знать?.. Как глупо все вышло! И это ведь ерунда, совпадение. Не может быть. Какая разница, что сказал этот маори? Подумаешь... Это даже смешно. Как она могла умереть?! Что за глупость?! Нет, она жива. Вот — она тут, стоит у мойки. Она жива!

Умерла пять лет назад?.. Нет, она не умерла пять лет назад. Пять лет назад она вышла замуж. Она вышла за Брэда. Она его любит. Брэд ее любит. Она ни о чем не жалеет. Он хороший. Он умный. Немного желчный. Но это характер. Что поделаешь?.. Все хорошо. Мало ли, что сказал этот маори? Этот странный маори — Анитаху.

Лора переступила с ноги на ногу. С одной ватной ноги на другую ватную ногу. От произнесения этого имени, от одного воспоминания, от единственной мысли об этом маори ее ноги становились ватными. Ноющая, неизвестная ей прежде, тянущая, выгибающая боль, скользнув по пояснице, разлилась по спине приятной тяжестью.

— Доброе утро, Лора!

«Брэд!» — звенящим экспрессом пронеслось в голове Лоры.

На внутренней стороне своих век Лора увидела Брэда — белого, как пленки на парном мясе, рыхлого, с отвисшим животом, с бесцветными глазами, спускающегося вниз из спальни в широких трусах и старом, потертом халате.

— Да, дорогой! — Лора развернулась к нему всем корпусом.

Одним движением руки она смахнула слезы и оправила волосы. Взмах тонких ресниц сбросил крошечные соленые капли. Багровые руки спрятались за спиной. Лора чуть подалась вперед и замерла... Металлический кол вонзился ей в спину.

— Моешь посуду? — ни то спросил, ни то констатировал Брэд, спустившись по лестнице и осмотревшись.

— Да, дорогой, — ответила Лора и заслонила собой мойку.

Брэд подошел к Лоре, поцеловал в щеку и заглянул ей за спину.

— А мойка пустая, — тихо, с напряжением в голосе сказал Брэд.

— Пустая! — Лора изо всех сил пыталась казаться веселой. — Уже помыла, Брэд! Просто я ее уже помыла!

Брэд слегка отстранился и внимательно посмотрел на Лору.

— Ты плакала? — на помятых щеках Брэда мелькнули желваки.

— Нет, что ты, Брэд! — натужно рассмеялась Лора. — С чего ты взял?!

— Не плакала?

— Нет! Совсем нет! — Лора суетливо помотала головой из стороны в сторону. — Просто соринка в глаз попала. Я терла, терла...

Брэд ей не поверил, но ответом удовлетворился.

— Что на завтрак? Яичница с беконом?

— Да, яичница с беконом, — подтвердила Лора и, опомнившись, тут же добавила: — И тосты с кленовым сиропом. Как ты любишь.

— Хорошо. Накрывай на стол. — Брэд окинул внимательным взглядом кухню и потер полученный вчера синяк на правой скуле. — Пойду умоюсь.

Брэд развернулся и направился в ванную. Лора приготовилась облегченно выдохнуть.

— Да, кстати! — Брэд обернулся. — Что у тебя с руками? Опять аллергия?

— Да, Брэд, аллергия, — Лора смущенно улыбнулась и потерла кисти одну о другую тыльными сторонами.

— Дура эта твоя Долли, — говорил Брэд за завтраком, деловито пережевывая бекон и макая тосты в кленовый сироп. — Какого черта мы ее послушали?! Не надо было идти на этот «шабаш». Ужас! Она просто круглая идиотка. Поразительно! Такая близорукость! Это так всегда бывает — сначала человек, от нечего делать, приобщается к язычеству, а потом удивляется, что оказывается в Аду. Ну, а куда его еще девать?! В Аду — самое место! Только подумаю, как там зажарят этого маори... Как его имя? Анти... Ани... Анитаху, кажется. Да. Так вот, только подумаю, как его зажарят, прямо душа поет! Ааа-ллилуйя! Ааа-лли-луйя! Ааа-ллилуйя!

Брэд чинно пропел гимн и громогласно рассмеялся. Лора вздрогнула.

— Бог дал нам все, Лора, — продолжал Брэд. — Он дал нам небо и землю, Он дал нам кров и пищу. Он дал нам все. Все, что у нас есть! Лора, понимаешь — все! И единственное, о чем Он просил нас, единственное, — это верить! Все, взамен за небо и землю, за кров и пищу, за Божественную Благодать Его — это *верить*! И мы верим, Лора! Мы верим, что Он искупил наши грехи своей мученической смертью на кресте, что Он дал нам жизнь и даст еще Царствие

Небесное! Лора! Разве это не прекрасно?! Прекрасно! А что ждет язычников?! Они будут гореть в Аду!

Брэд любит рассуждать о жизни, о Боге, о порядке. Он всегда говорит длинными монологами. Как проповедник. Никаких ответов или комментариев не требуется. Лора привыкла. Сначала и не замечала, что Брэд говорит сам с собой. Слушала и со всем соглашалась. Потом как-то раз попробовала высказать свое мнение, возразить. Но Брэд строго посмотрел на нее и сменил тему. Больше Лора не спорила, смирилась. Просто кивала в такт его голосу, и все. А последнее время как-то даже и слушать перестала. Смотрела на мужа и думала о чем-то своем.

О чем она думала?.. Всякий раз о разном. Но, в сущности, всегда об одном и том же. Бог не дал им с Брэдом детей. Толком не понятно почему. Врачи что-то объясняли, но все пугано, нескладно. Одни одно говорят, другие — другое. Может быть, и можно было бы выяснить, пройти лечение. Но Брэда бездетность устраивала. А в таком деле без мужчины не обойтись. Его тоже нужно обследовать, лечить, если понадобится. Но Брэд один раз, по настоянию Лоры, сходил к врачу и больше не пошел. Что сказал ему врач, Лора не знала. Брэд говорил ей только то, что сам считал нужным сказать.

И обычно Лора думала о детях. Нет, даже не думала, она мечтала о них. Представляла себе дом, в котором полно малышей. Трое. Может быть, даже четверо. Веселый детский смех прокатывается по дому. Это трехлетний Джим гоняется за кошкой по второму этажу. Эту кошку Лора взяла для Сабрины, когда та была еще маленькой. Теперь Сабрина уже ходит в школу. Майк в саду. Ему только пять, но он уже следит за любимыми розами Лоры, поливает их. А здесь, рядом с Лорой, в небольшой кровати-переноске спит Дора. Совсем еще маленькая, ей три месяца.

Своих воображаемых детей Лора очень любила. Очень-очень. Всем сердцем. И ее не смущало ни их отсутствие, ни то, что они были старше их с Брэдом брака. Не смущало. Она любила. Лора каждый день занималась со своими детьми. Она кормила их, мыла, одевала, баюкала. Мысленно рассказывала им сказки, учила читать, писать. Она праздновала их дни рождения, дарила подарки, украшала для них рождественскую елку. Водила гулять — на пляж, на пристань, в парк, а по воскресеньем — в церковь. Лора все им позволяла. Дети умеют быть благодарными, и они такие славные... Как им откажешь? И даже когда Дора не спала целую ночь из-за животика, Лора на нее не сердилась, она сидела рядом и пела ей колыбельную, покачивая плетеную люльку.

Но сегодня с самого утра дом был пуст. Ни единого детского голоса. Ни крика, ни смеха, ни просьб, ни песен. Абсолютная тишина. И неотступно вчерашний вечер. Как будто тысяча фотографий. Словно кто-то заснял его на пленку, разрезал и отдельными кадрами раскидал в хаотичном порядке по сознанию Лоры.

Вот Долли уговаривает Лору: «Лора, пойдем! Ты же знаешь, какие маори бывают красивые! А этот красивее всех! Самый красивый! Правда! Пойдем!» И Лора хочет пойти — просто пойти. Взглянуть одним глазком, только чтобы развеяться. Она ведь никуда не ходит, все время одна, дома. Но как сказать Брэду? А без Брэда она не может пойти.

А вот Брэд ругает Лору: «Лора, это глупость, зачем мы сюда пришли! И это не этническая музыка, не ври мне! Это шабаш! Этот маори вызывает своих духов! Это грех! Мы не должны здесь быть!»

Вот еще родные и знакомые Долли — Дейвид, Генри, Симона и сама Долли:

«Как он поет! Как он поет! Это же надо! Прямо в груди щемит! Потрясающий!»

«А как танцует! Необыкновенное чувство! Просто чудо!»

«Говорят, он может предсказывать будущее...»

«Он видит человека насквозь».

«Это не он, это духи, которые в него вселяются».

«Но все равно! Вот бы он мне сказал что-нибудь...»

«Зачем тебе?»

«Ну, интересно же...»

«А можно его попросить?»

«Нет, только если он сам что-то увидит, тогда скажет. Спрашивать нельзя...»

Лора как сейчас видит перед собой этот небольшой остров — холмы, поросшие высоким лесом, сочно-зеленую листву деревьев и множество птиц. Они взлетают целыми стаями и подолгу кружат в небе, выписывая сложные фигуры. И в этот миг кажется, будто небо над островом — это огромная крона гигантского дерева с раскидистыми, колышущимися на ветру ветвями.

Иногда в жизни случаются события, которые на первый взгляд кажутся тебе незначительными. Может быть, они и есть незначительные. Но Лора жила ими, жила воспоминаниями о них. Ты просто испытываешь какое-то ощущение — вот вроде бы и все. Но отзвук, отголосок этого события потом еще долго остается с тобой. Это как свидетельство, как напоминание — ты был жив когда-то, ты *был жив*.

И Лоре вдруг показалось, что вся ее жизнь — это вот один такой отголосок. Не жизнь, а одно ее эхо, лишенное плоти, лишенное существа. словно она и не живет вовсе, а лишь присутствует при исполнении собственной жизни. Смотрит на нее со стороны. Переживает тихие радости, грустит. И все это — сама с собой, одна.

А вокруг люди — эти странные люди, которые, кажется, живут совсем по-другому. Этих людей что-то волнует, они из-за чего-то переживают. Но главное — они чего-то хотят, на что-то надеются, о чем-то мечтают. Их жизнь — это не отголоски прошлого, а бесконечная устремленность в будущее. Но, может быть, они заблуждаются? Может быть, им только кажется, что все еще впереди? Может быть, когда-нибудь они обернутся назад и спросят себя — а было ли в моей жизни хоть что-то?..

— Смотрите, смотрите! — кричала Долли, показывая пальцем на остров, когда все они только садились в катер, готовясь пересечь пролив.

— Что? — недоуменно спросила Лора. — Что там?

— Да вон же! — не унималась Долли. — Костер! Видишь?!

Действительно, на песчаном берегу, окаймлявшем светлой полосой лесистую часть острова, высился огромный оранжево-красный костер.

— Да, он, наверное, метров шесть высотой! — восхищенно протянул Дейвид — официальный любовник Долли.

— Ну, шести, конечно, нет, — осадил его Брэд. — Может быть, два — два с половиной.

Костер действительно был огромным. Когда катер причалил к берегу, танцующий вокруг огня маори казался совсем крошечным. А на самом деле, в этом маори, в этом странном, загадочном, поразительно красивом — даже для маори — индейце было не меньше двух метров роста.

— Мы должны будем подойти тихо, — сказала Долли. — Чтобы не спугнуть духов. Подойдем, сядем неподалеку и будем наблюдать.

— Да какие духи! — возмутился Брэд.

— Страшно?! — рассмеялся Дейвид. — Не паникуй, Брэд! Ты же знаешь, Бог тебя не оставит! Или все-таки струсил?!

Брэд покраснел. Он не любит Дейвида, потому что он живет с Долли вне брака. А Дейвид не любит Брэда, потому что считает его ханжой.

— Нет, не струсил, — зло ответил Брэд.

И группа двинулась по направлению к костру. Они шли по песчаному берегу — молча, зачарованные открывшимся им

зрелищем. Анитаху танцевал вокруг огня — не двигался, не перемещался, а буквально парил в раскаленном воздухе. Казалось, он даже не подозревал о существовании земного притяжения — таким легким, таким мощным был его танец.

Его обнаженное — в одной набедренной повязке — тело, расписанное причудливыми символами маори, одновременно казалось и напряженным, и расслабленным. Оно то переливалось, словно расплавленная сталь, то замирало, подобно каменному изваянию. И тут же снова взметалось в воздух — сильное, страстное, полное жизни. Абсолютная свобода жизни.

Иногда в жизни случаются события, которые на первый взгляд кажутся тебе незначительными. Ты просто испытываешь какое-то ощущение — вот вроде бы и все. Но отзвук, отголосок этого события потом еще долго остается с тобой. Это как свидетельство, как напоминание — ты был жив когда-то, ты *был жив*.

Обряды маори не обходятся без особенного — горлового — пения. И Анитаху пел, почти не открывая рта — не связками, не глоткой, не губами, он пел каким-то тайным, удивительным внутренним резонатором. Словно где-то внутри его груди притаилась волшебная музыкальная шкатулка, способная рождать самые разные, самые причудливые звуки — от пронзительно глубоких до мягких, летящих, воздушных.

Лора сначала только слушала этот голос, проникаясь его силой, его теплотой, его нежностью. А потом вдруг впустила его в себя. Даже не заметила, не поняла, как это произошло. Но он словно вошел в нее — какая-то сила, какой-то свет. Она позволила этому загадочному, этому неизвестному ей маори петь у нее внутри. Быть с нею, быть —ею. Лора улыбнулась и ускорила шаг.

Ей всегда казалось, что между людьми существует какая-то непреодолимая внутренняя граница. Что они никогда не могут быть по-настоящему близки друг другу, что они не могут понимать и слышать друг друга по-настоящему. От этого всегда было больно и одиноко. Но вдруг этот вечный ее испуг исчез, улетучился. Счастье всегда приходит незаметно, но если приходит, его нельзя пропустить.

Как зачарованная, Лора шла на огонь, не отрывая глаз от танцующего маори. Сама того не замечая, она стала двигаться в такт движениям Анитаху, словно пульсируя с ним в унисон. И его голос звучал уже не вокруг, эхом разлетаясь над затихшим, торжественно замершим океаном, а внутри ее сердца. Пламя костра перестало быть огнем, но лишь чистой, прозрачной энергией света.

Ей всегда казалось, что между людьми существует какая-то непреодолимая внутренняя граница. От этого всегда было больно и одиноко. Но вдруг этот вечный ее испуг исчез, улетучился. Счастье всегда приходит незаметно, но если приходит, его нельзя пропустить.

— Ты пришла, — услышала Лора и остановилась.

Анитаху стоял по ту сторону костра, сильный, спокойный, и вглядывался в ее намокшие от слез глаза. Он смотрел ей прямо в душу, он завладел всем ее существом. Конечно, она плакала. Сквозь языки взметающегося к нему пламени она видела контуры его прекрасного тела. Она видела его глаза — светящиеся, раскосые, под изогнутыми стрелами густых бровей.

— Да, — прошептала Лора одними губами.

— Я ждал тебя, — ответил ей Анитаху.

— Откуда же ты знал, что я приду? — удивилась Лора и краснела.

— А ты разве не знала, что встретишь, меня? — улыбнулся Анитаху.

— Знала... — Лора смущенно улыбнулась ему в ответ.

— Нам предназначена эта встреча, — шепнул Анитаху и

протянул к ней руки, прямо через костер.

Лора чуть замешкалась, но лишь на мгновение, и потянулась к нему — через огонь...

— Лора! Лора! — недовольно зашептала Долли и потянула ее за рукав. — Так далеко заходить нельзя! Что ты стоишь как истукан! Давай, давай сюда, к нам!

Лора обернулась — растерянная, озадаченная, словно только проснулась после сладкого сна. Что здесь делает Долли?

— Лора, не стой! Нельзя подходить ближе, чем на пятнадцать метров! У нас договоренность! Слышишь?!

— На пятнадцать метров? — не поняла Лора.

И действительно, она стояла очень далеко от костра. Значительно дальше, чем ей казалось. А маори, как ни в чем не бывало, продолжал свой танец, словно и не останавливался ни на секунду, словно и не заметил ее появления. Пел, кружил вокруг пламени. Что же это было? Ей это все привиделось?..

Лора молча присоединилась к остальным. Они уселись на травянистом склоне и наблюдали за шаманом со стороны.

— Дейвид, а что он бормочет между пением? — спросил Генри, сводный брат Долли. — Ты можешь разобрать?

— Ну, он призывает духов, — пояснил Дейвид. — Маори же не верят в смерть. Они считают, что человек просто не может умереть. А поэтому вокруг много духов. И вот он просит их, чтобы они вселились в него. Если это произойдет, то он будет знать все, что знают духи. То есть мертвые, по-нашему.

Дейвид — австралиец. Он изучал в университете языки и культуру полинезийских аборигенов. А теперь вот приехал в Окленд — исследовать культуру и язык маори. Тут он повстречал Долли, и теперь они вместе. Уже почти целый год. Для Долли это почти рекорд!

— Какие глупости! — возмутился Брэд. — Какие ужасные языческие глупости!

— Как? — удивилась Лора и взглядом показала на танцующего индейца. — Он говорит на маори?

— Конечно! — тихо рассмеялась Долли. — Ты что, не слышишь?..

Действительно, Анитаху говорил на маори. Но ведь он только что говорил с ней на английском.

— Не на английском? — растерянно прошептала Лора. — Он ничего не говорил по-английски?..

— Нет, ничего! — рассмеялся Генри. — Вот ты смешная, Лора! Какой же маори будет вызывать своих духов на английском языке! Вот ты меня насмешила!

— Лора, пойдем! — скомандовал Брэд. — На тебя это плохо влияет.

Лора послушно поднялась на ноги. Брэд схватил ее за рукав и потащил прочь, к катеру. Лора обернулась и бессильно, с мольбой посмотрела на Долли. И Долли словно поняла ее взгляд, сердцем почувствовала, что он значит. Лора никогда не смела возражать мужу. Никогда. А сейчас, вдруг, она просит Долли, чтобы та его задержала!

— Эй, Брэд! — закричала Долли. — Лора никуда не пойдет!

— Почему это? — рявкнул Брэд.

— Потому что... — Долли не знала, что сказать, какую отговорку придумать. — Потому что... Потому что у меня ключи от катера. И я не хочу, чтобы вы болтались там одни. А хотите просто шляться по берегу — пожалуйста. Только я вам не советую, дикое это место. Так что лучше уж посидеть здесь... Это я тебе точно говорю.

Перспектива ходить в ночи по пустому берегу, дожидаясь пока все они, наконец, наглядятся на своего маори, Брэда не вдохновляла. Он остановился, задумался и изрек:

— Ладно, хорошо. Но при одном условии — вы больше не делаете никаких языческих комментариев!

— Вот дурак! — тихо рассмеялась Симона — жена Генри, уткнувшись в плечо мужу.

— О'кей! Никаких языческих комментариев, — чуть не прыснула со смеху Долли.

Но Брэд, кажется, ничего этого не заметил. Или не захотел замечать.

Огонь ритуального костра тем временем вился до небес. С каждой минутой он становился все больше и выше. Казалось, маори раздувал его своим танцем, подобно живым мехам. Время от времени пламя внезапно вспыхивало с новой, необыкновенной силой, будто внутри него взрывались петарды. Никто из зрителей не мог оторвать глаз от этого зрелища.

— Не может быть! Я не верю своим глазам! — шептала Симона.

— Красавец! — с завистью говорила Долли.

— Что есть, то есть, — улыбался восхищенный Дейвид и с нежностью прижимал к себе Долли. — Кому могло прийти в голову, что они людоеды! Просто волшебство! Расскажи я об этом на факультете — не поверят!

— Людоеды и есть, — пробурчал Брэд. Маори пел, танцевал, что-то нашептывал, потом кричал, уподобляясь диким животным и птицам. И Лоре показалось, что необыкновенно красивый рисунок его священной — тотемной — татуировки вдруг пришел в движение. Буквально скользил по его смуглому телу. Потрясающее зрелище!

Прекрасные, ажурные, сплетающиеся друг с другом линии разной толщины и формы лежали на шее маори — по бокам. Вверх они уходили на виски и лоб, чуть выглядывали на скулы. Дальше вниз они расходились по мускулистым плечам. Два потока рисунка встречались на спине, в районе лопаток. И, соединившись, шли дальше, вниз по позвоночнику. Замысловатый рисунок появлялся вновь на наружной стороне бедер, окаймлял колени и до стоп

покрывал всю поверхность голени. На какой-то миг Лоре показалось, что это не татуировка, а огромные темно-синие крылья ангела. Вот-вот они оживут, отделятся от тела и поднимут Анитаху в небо — высоко-высоко, к самым звездам.

Как странно, что ей только привиделся этот разговор. Лоре казалось, что она действительно разговаривала с Анитаху — с близким, родным, необыкновенно дорогим человеком. От души к душе. Еще никогда в жизни Лора не чувствовала ничего подобного. Голова у нее закружилась, Лора подалась назад и ее взгляд утонул в небе.

Звезды, словно алмазные шляпки серебряных булавок, приметали бездонный купол к той стороне мироздания. Рваные облака, похожие на покрывала, лишь слегка подсвеченные снизу уже спрятавшимся за горизонт солнцем, зависли между землей и небом. Хочется укутаться в них, спрятаться. И оттуда, сверху подглядывать за этим странным, за этим удивительным, за этим любимым ею маори. За Анитаху...

— Лора, проснись! — Лора очнулась от испуганного крика Долли.

Открыла глаза и увидела перед собой тревожное лицо маори.

Как ей потом рассказали, за секунду до этого он прошел сквозь костер и опрометью бросился к ним — к группе людей, сидящих на склоне. Все испугались и инстинктивно отпрянули в стороны — кто вправо, кто влево — от спящей Лоры. Анитаху склонился над ней, пробормотал что-то, едва коснулся ее лица тыльной стороной ладони и побежал прочь.

В два шага он достиг костра и снова, на глазах у всех, прошел сквозь огонь. Вошел в него и исчез, словно и не было. Как растворился... Огонь послушно опустился к земле. Языки пламени, как дворовые псы, боязливо и жадно облизали превратившиеся в пепел головешки. И только тихий, едва различимый всплеск воды сказал Лоре о том, что маори не сгорел, а просто нырнул в воду.

— Что он сказал?! — заорал Брэд и схватил Дейвида за грудки. — Что ей сказал этот сумасшедший?! Переведи!

— Ничего особенного, — Дейвид почему-то не стал сопротивляться этому приступу агрессии, отвел лицо в сторону и замолчал.

— Что?! Скажи мне, что?! — орал Брэд.

— Ничего особенного. Это ритуальное, Брэд, — сухо ответил Дейвид.

— СКАЖИ!

Дейвид поднял на него глаза:

— Он сказал, что уже пять весен, как твоя жена мертва...

Брэд оцепенел от ужаса. У него открылся рот. Он начал быстро и нервно моргать:

— Глупость... Глупость... Какая глупость! Ты врешь! Ты все врешь!

Брэд накинулся на Дейвида, и началась драка.

— И вообще, вся эта твоя компания, Лора, — говорил Брэд, продолжая умиляться тостам с кленовым сиропом. — Они все грешники, еретики и бездельники. Я не одобряю этих твоих связей. Ты должна порвать с Долли! Бог столько трудился, Лора! Столько для них сделал! А какова их плата?! Какова благодарность?! Они ходят смотреть на этого полоумного маори, который находится в интимной связи с самим Сатаной! Я абсолютно уверен! Что он сказал про тебя?! Какой ужас! Как он смел! Он будет гореть в Аду, Лора! Он будет гореть в Аду! Он узнает страшные муки!

— Ада нет, — тихо сказала Лора и подняла на мужа глаза.

— Как — нет? В каком смысле? Ты это о чем?

Брэд растерялся. Кусок его тоста беспомощно завис в воздухе — где-то между ртом и тарелкой. Капля кленового сиропа, как в замедленном фильме, задумчиво скатилась на край хлебца, замерла там и беззвучно упала на белую накрахмаленную скатерть. Словно нежная розовая кровь на белом полотнище. Лора смотрела на эту каплю, стекающую по тосту, нависшую над столом, падающую на скатерть, упавшую, расплывшуюся по белому льну светло-розовым пятном... И видела в ней себя. Такая же несчастная, такая же одинокая и такая же... свободная.

— Ада нет, — уверенно повторила Лора и улыбнулась мужу — тихо, спокойно, счастливо.

— Я так и думал! — воскликнул Брэд. — Я так и думал! Ты заболела, Лора! Тебе нужен врач! Все понятно. Я так и думал. Сегодня же привезу тебе врача...

— Ты меня не слышишь, Брэд. Я не больна. Просто Ада — нет. Понимаешь — нет. Его — нет...

Лора произнесла эти слова вдумчиво, счастливо. Она вдруг почувствовала это — то, о чем говорила. И неизвестное до сих пор облегчение испытала ее душа.

— Так, — строго, озабоченно сказал Брэд. — Сегодня ты никуда не пойдешь. Останешься дома. Поняла меня, Лора?.. А вечером у нас будет врач. Мы со всем этим сможем справиться.

*Брэд работает в Окленде.
Простым клерком в компании
по налогам — подготовка деклараций,
расчеты, оформление документов,
решение других юридических вопросов.
Он уезжает на работу утром,
а возвращается только к вечеру.
Все это время Лора предоставлена
самой себе и, конечно, дому.
Ведь она домохозяйка...
Обычная новозеландская домохозяйка.*

— Алло? — Лора подняла трубку.

— Лора, это я, Долли, — зашептала подруга. — Привет! Ну, как ты?

— Я? — не поняла Лора. — Я нормально. А почему ты спрашиваешь?

— Ну, после вчерашнего, — намекнула Долли. — Правда, нормально?

— Правда, — пожала плечами Лора.

— А как Брэд? — озабоченно спросила Долли.

— Брэд? — удивилась Лора. — Брэд — тоже нормально. Уехал на работу.

— Лора, у тебя точно все в порядке? — в голосе Долли звучала тревога.

— А что, Долли? Почему ты спрашиваешь?

— Лора, давай сходим в Квин-Боут, — предложила Долли.

— Нет, Долли, я, наверное, не пойду, — уклончиво ответила Лора.

— Не хочешь? — уточнила подруга, догадываясь, что это может быть как-то связано с Брэдом.

— Нет, но...

— Тогда пойдём, — настаивала Долли.

— Мне Брэд сказал никуда из дома не выходить, — призналась Лора. — Не хочу его расстраивать.

— О'кей! Я сейчас за тобой зайду, — выпалила Долли и повесила трубку.

Лора прошлась по кухне — провела рукой по тарелкам в сушилке, словно по клавишам фортепьяно. Заглянула в холодильник и почему-то улыбнулась. Играючи поправила на столе миску с фруктами и провела рукой по новой белоснежной скатерти. Все чисто, все убрано. В приподнятом настроении Лора поспешила наверх. Она бежала в спальню — хотелось скорее лечь на мягкие простыни, уткнуться в теплую подушку, подоткнуть под себя одеяло и насладиться тишиной.

Но, не дойдя до спальни, Лора вдруг остановилась и оглянулась. На сердце стало беспокойно. Быстрым шагом она направилась в детскую. Пусто. В детской не было ни детей, ни игрушек, ни разноцветных книг, ни детской мебели. Ничего. Что случилось? Неужели Брэд увез

детей? Но куда подевалась мебель, игрушки? Кто мог все это забрать отсюда? Когда?! Лору охватил ужас, она растерянно повернулась вокруг. Пустые стены, пустые углы. Где дети?!

Лора бросилась к окну — хотела открыть его и позвать на помощь. Стон застрял у нее в горле. Кто-то украл детей! Кто-то украл ее детей! Лора дергала оконную ручку, но та не поддавалась. Заржавела... Как? Когда? Как такое может быть?! Лора снова оглядела детскую — абсолютно чистые обои и даже пол без малейших царапин, как после ремонта. Лора выглянула на улицу — пусто, спокойно. Какой-то дедушка медленно ехал мимо ее дома на старом, погнутом, облезлом велосипеде.

— Господи, я же все это себе придумала... — Лора схватилась за голову и, прислонившись спиной к стене, бессильно осела на пол. — Я же все это себе придумала. Это моя фантазия. Почему я так испугалась? Что со мной? Что со мной случилось.

Лора не смогла договорить, окончить фразу. Слезы хлынули из ее глаз. Что-то надломилось в ней. Переполнявшие ее, но прежде хорошо скрываемые чувства дали о себе знать. Они, как огромная масса воды, сдерживаемая до сих пор мощными опорами плотины, обрушились на искусственную — милую, непритязательную, с трудом облагороженную долину, сокрушая все на своем пути.

— Брэд прав, — шептала Лора сквозь слезы. — Брэд прав, я схожу с ума. Я схожу с ума! Господи, что же мне делать?! Господи!

Она плакала и плакала. Но ей не становилось легче. Наоборот, с каждым новым приступом рыданий ей становилось только хуже. Утром ей было плохо. Потом, во время завтрака, она вспомнила Анитаху и почувствовала какую-то необыкновенную радость. Свежий ветер ворвался в душную жизнь и словно разбудил ее. Но вот опять ей скверно, ей ужасно, она сходит с ума...

— Эй, Лора! Ты где?! — раздался снизу встревоженный голос Долли. — Ты что, в прятки со мной играешь? Лора?!

Лора быстро встала, вытерла глаза, оправила блузку и — как ни в чем не бывало — вышла из детской. Долли уже была на лестнице.

— Привет! — улыбнулась ей Лора.

— Так, понятно, — покачала головой Долли. — Это у нас называется «нормально». Хорошо. Все, давай, пошли! Тебе надо проветриться.

Долли привела Лору в Квин-Боут за руку, усадила за стол и сделала заказ на двоих.

— Лора, перестань так натужно улыбаться! — шепнула Долли, оглядывая краем глаза посетителей ресторанчика. — На твоём страдальческом и заплаканном лице эта улыбка выглядит ужасно!

— Да? — Лора нервно пожала плечами и улыбнулась чуть не во весь рот. — Разве?

— Разве-разве! — сокрушенно передразнила ее Долли. — Ну Лора, ты как пьяная! Перестань! Ну, пожалуйста, — будь нормальной!

Лора снова пожала плечами — на сей раз недовольно и разочарованно. Она отвернулась и уставилась в окно. Улыбка сошла с ее уст. И теперь всякий, кто бы ни увидел ее, понял бы, какая невыразимая боль лежит у нее на сердце.

— Слушай, ты что, не понимаешь, что с тобой происходит? — Долли резко затрясла головой.

— А что со мной происходит, Долли? — Лора посмотрела на нее тяжелым, напряженным взглядом.

— Не понимаешь?! — Долли придвинулась к ней всем телом.

— Нет.

— Ты влюбилась, Лора!

— Я? Влюбилась?! — Лора рассмеялась надрывным, неестественным, саркастическим смехом. — Да что ты такое говоришь, Долли?.. В кого?!

— В Анитаху, — тихо и убежденно ответила Долли.

У Лоры потемнело в глазах. Рыдания вновь подступили к самому горлу, она задыхалась. Схватила лицо руками, будто оно сейчас отвалится. Нет, нет. Нельзя. Она сможет с этим справиться. Просто она плохо себя чувствует. Нет, это какая-то ерунда. Это сон. Этого не может быть. Она замужем за Брэдом. У них семья...

— Лора, пожалуйста... — с мольбой в голосе сказала Долли. — Я сейчас сама расплачусь. Пожалуйста...

— Не говори ничего больше, — жестко оборвала ее Лора. — Не говори.

— Но Лора... — Долли растерялась, ее глаза наполнились слезами. — Лора...

— Что — «Лора»? — отчеканила Лора. — Тебе легко говорить. Ты свободная женщина, Долли. У тебя нет семьи — мужа, детей...

— А у тебя, что, Лора, есть дети?! — раздраженно воскликнула Долли. — Не смей меня. Только ради всего святого — не смей меня! Ты такая же свободная женщина, как и я. И даже если бы у тебя были дети? Что с того? Тебе уже двадцать восемь лет. Сколько ты собираешься прожить? Сколько?! А что с тобой будет лет через пять? Десять? Кому ты будешь нужна?! Я — «свободная женщина»! А ты какая женщина, Лора?! Знаешь, иногда мне кажется, что ты просто завидуешь мне...

Лора смотрела на Долли и видела только, как та открывает рот. Но что она говорила, Лора уже не слышала. Уши заложило. Будто кто-то натолкал в каждое из них по рулону ваты. У Лоры нет детей. Это правда. С чего она, вообще, взяла, что у нее есть дети? Врачи сказали — нет. Детей нет и не будет. Она сходит с ума. Она по-настоящему сходит с ума. Бред прав. Бред прав. Страшно.

— Мне тебя просто жалко, Лора! — продолжала Долли, не замечая, что та ее уже не слышит. — Ты же красавица! Ты, вообще, понимаешь, какая ты красавица?! Твое лицо, глаза, руки. А фигура? А грудь?! Ты видела свою грудь?! Хоть когда-нибудь обращала на нее внимание?! Ну, на что тебе сдался этот узколобый Брэд?! Он же идиот. Форменный! Брось его, Лора! Он ей муж, видите ли! И что дальше? Что с таким мужем делать-то, скажите мне пожалуйста?!

Посетители рестораника стали недовольно поглядывать на Долли с Лорой. В Потуа все друг друга знают. Жизнь у них здесь тихая, размеренная, а общественных мест — Квин-Боут да церковь. Вот, в сущности, и все. Слухи распространяются быстро, и каждый считает своим долгом иметь собственное, подробнейшее мнение о соседе. Причем за сто лет совместного проживания в Потуа все стали друг другу родственниками или родственниками родственников — почти что родственниками.

Лора оглянулась по сторонам и поймала на себе недовольные взгляды. Впрочем, стоило Лоре поднять глаза, посетители ресторана тут же отворачивались. Словно они и не смотрели на Лору, словно и не думали ничего о том, что происходит сейчас за их с Долли столом. Как же они все двуличны! Как они лживы! Ведь уже сейчас они думают, как будут судачить сегодня вечером на своих кухнях, что скажут Брэду при встрече, какие распустият сплетни.

Долли на них наплевать. И она специально затеяла этот разговор именно здесь, чтобы показать *им* всем, что ей на них наплевать. И чтобы Лоре было тоже на них наплевать. Но Лоре не наплевать. Она не может. У нее семья — муж, дети... Черт! У Лоры нет детей. У Лоры нет и одного ребенка! Господи, что же с ней происходит такое?! И этот маори. С чего Долли взяла, что Лора влюбилась в него?! Как такое вообще возможно?! Как?!

— Лора, услышь меня! — Долли разрывалась между состраданием и яростью. — Я же тебя с детства знаю! Ты всегда хотела, чтобы у тебя все в жизни было «правильно». Как ты говоришь?.. «Семья — муж, дети». Лора, но это неправильно. В тебе же жизни не осталось уже. Следа нет! Чего в этом правильного? А вчера, вчера, когда я твои глаза увидела — там, на пляже, я все поняла, Лора. Я все поняла! Ты влюбилась, Лора! Первый раз в жизни! Ну, признайся же себе! Признайся! Сделай хоть раз в жизни что-нибудь «неправильное»!

Лора собрала все свои силы, все, что в ней осталось, до последней капли, и встала. Она должна отсюда уйти. Это безумие. Бред какой-то.

— Долли, я...

Слова, готовые сорваться с языка застряли у Лоры в груди. Дверь ресторана отворилась, жалобно звякнул приветствующий посетителя колокольчик, и на пороге возник Анитаху. В белой облегающей майке, в синих потертых джинсах, с небольшим рюкзаком за плечами он был, казалось, еще краше. Спокойный, скромный, уверенный в себе, невозмутимый и внимательный — эманация силы. Лора схватила ртом воздух.

— Лора, ты должна встретиться с Анитаху! Ну, вдруг! Вдруг он тебя полюбит, Лора! — Долли сидела спиной к двери и, не заметив появления маори, продолжала говорить. — Ты ведь любишь его, Лора! Любишь!

— Долли, у меня семья — муж, дети... — прошептала Лора и, словно сомнамбула, опустив глаза, направилась к выходу.

Воздух вокруг нее стал вдруг густым и раскаленным. Все тело, словно погруженное в жидкость, едва двигалось. Лицо, руки, голени обдало жаром. Лора не хотела смотреть на Анитаху. Но в голове неотступно звучали последние слова Долли — «Ты ведь любишь его, Лора! Любишь!» Поравнявшись с маори, Лора сделала над собой усилие и подняла глаза. Словно хотела удостовериться, проверить слова Долли.

Их взгляды встретились, как вчера.

— Я люблю тебя? — мысленно спросила его Лора.

Но Анитаху молчал.

— Люблю?.. — у Лоры дрогнули губы.

Холодный, неизвестно откуда взявшийся ветер ворвался сквозняком в дверь и чуть не сорвал с Лоры платье. Будто хотел раздеть... Лора испуганно прижала руки к груди и на подгибающихся ногах выбежала на улицу.

— Лора! — услышала она вслед и обернулась.

Долли бросилась за ней следом и увидела Анитаху. Они оба как-то замешкались в дверях, пропуская друг друга, и оказались на улице.

— Не уходи! — прокричала Долли.

Но Лоре было холодно. Ужасно холодно. Она отрицательно покачала головой и пошла прочь.

— Догони ее... — тихим голосом попросила Долли и подняла на Анитаху глаза. — Вчера... Помнишь?

Анитаху лишь кивнул головой.

— Она любит тебя...

— Она не может, — ответил Анитаху. — Она потеряла душу.

*К середине дня температура
заметно поднялась.
Солнечный диск неподвижно замер в зените.
Голубое небо выцвело и стало белесым.
Розы в саду приобрели
измученный, безжизненный вид.
В домах жителей Потуа заунывно гудят
кондиционеры и вентиляторы. А Лоре холодно.
Она закрылась в спальне, укуталась
в два одеяла и дрожит. Озноб.
Лора хотела бы спрятаться, но не может.
В ее голове звучит множество голосов.
Им всем что-то нужно от Лоры.
Но что именно? Она не в силах понять.*

— Беда Новой Зеландии в недостатке женщин, — двусмысленно, словно исподтишка, с каким-то неприятным, противным подтекстом рассуждает в ее голове Брэд. — У нас их действительно мало, меньше, чем мужчин. Вот они и распоясались. Мужчины боятся своих женщин потерять, а те и выют из них веревки. Естественно! Это божественное проклятье. Сатана искушает женщин. Открывает дорогу порокам. И разве может устоять женщина, если даже первая из них поддалась Сатане?!

— Это хорошо, если женщины чувствуют себя свободными, — говорит Дейвид. — Свобода — это ведь что?.. Свобода — это, когда тебе не страшно. И если женщина не боится за будущее, она ведь и ведет себя по-другому — естественно. Она живет в согласии с собой,

соответствует себе. Это делает ее красивой. И не такой «красивой», какой ее хотят видеть мужчины, а такой *красивой* — какой она только и может быть, если счастлива. Вот посмотреть, например, на Долли...

— Лора, — звучит встревоженный голос Долли. — Лора, я не пойму, ты мне завидуешь, что ли? Или хочешь, чтобы я тебе завидовала? Зачем ты постоянно повторяешь это — «у меня семья — муж, дети»? Во-первых, детей у тебя нет! Какого черта?! А мужа, как у тебя, мне и даром не надо. Он же тебя не любит, Лора! Почему ты вбила себе в голову, что у тебя должна быть семья? Ну, да — семья это хорошо. Но семья хороша, когда двум людям есть зачем жить вместе. А если им вместе жить — только слезы, зачем такая семья?

Свобода — это ведь что?.. Свобода — это, когда тебе не страшно. И если женщина не боится за будущее, она ведь и ведет себя по-другому — естественно. Она живет в согласии с собой, соответствует себе. Это делает ее красивой. И не такой «красивой», какой ее хотят видеть мужчины, а такой *красивой* — какой она только и может быть, если счастлива.

Лоре кажется, что она полиэтиленовый пакет с водой, в котором вдруг образовалось множество дыр. Слезы льются и льются, не переставая. А кроме слез, в ней и нет ничего — только вода, много воды, пустой, с солью, как в океане.

Она вспомнила всю свою жизнь. Как, когда была маленькой, ходила в школу для девочек. Как начала работать — в Окленде, в океанариуме. Как отец Лоры получил работу в Дунедине, на Южном острове, и они с матерью переехали на другой конец страны. Почти два года Лора была предоставлена самой себе. Она могла делать то, что ей хотелось, ни перед кем не держать отчета. Ну, конечно, все «в рамках», чтобы не узнали соседи и не передали родителям. Было главное — ощущение свободы, независимости.

Но она ждала. Лора все это время ждала, что ее жизнь наконец сложится, как складывается она у других. Кто-то из ее одноклассниц продолжил образование, некоторые сразу нашли хорошую работу, другие повыходили замуж или просто уехали куда-то, где интереснее жить. А Лоре случай не улыбался. Ей не везло. Просто не везло. Бесплатного обучения в университете получить не удалось, а на платное надо зарабатывать. Хорошую

работу найти трудно. Достойный парень Лоре тоже не встретился.

Одно за другое. Но Лора не отчаивалась. Расстраивалась, конечно, но переживала это глубоко внутри. Никому не показывала. Никому не надо этого знать. Зато... Зато она научилась мечтать. Она научилась придумывать свою жизнь. Она научилась представлять себя счастливой. Ведь, в конце концов, какая разница — съела ты вкусное пирожное или так себе его представила, что наелась? Никакой разницы нет. Или — почти никакой. И Лора все придумывала — себя, своего мужа, свою семью, даже своих детей.

— Мама, мама! — кричит пятилетний Майк и сзади дергает Лору за волосы. — А почему ты плачешь? Ты что, несчастна с нами, мама? Или тебя кто-то обидел? Ты мне скажи, мама, кто тебя обидел. Я пойду и дам ему, чтобы он не смел тебя обижать! Ты же хорошая — ты нас любишь, ты папу любишь, ты все делаешь в доме. Тебя нельзя обижать, ты хорошая!

Слезы душат, душат немилосердно. Зачем Майк говорит это? Зачем? И ведь его же нет. Нет! Лора сошла с ума. Лора давно сошла с ума. Ну, что она выдумала себе этих детей? Какая глупая это была идея — выдумать детей! Она с ними разговаривает, она с ними играет, занимается. А их нет... И как теперь их выгнать? Они же — *дети*. Как?!

— Мама, а ты правда к папе стала холодно относиться или мне просто так кажется? — спрашивает Сабрина и внимательно, с неприязнью смотрит Лоре в спину. — Он тебе понравился, да? Ты в кого-то другого влюбилась? Это нехорошо, мама. Я все, конечно, понимаю, но папа *такого* не заслуживает. Он нас всех содержит, работает много. А люди в Потуа говорят, что ты собралась его бросить. И ради кого, мама?! Ради какого-то маори? Ты вообще понимаешь, что ты можешь натворить своими необдуманными поступками?

Господи, но почему же ей так запал этот маори?! Зачем она о нем думает? Да она ведь и не любит его совсем. Ну, понравился. Красивый... Что с того? Что?! У них ведь ничего с ним не может быть. Как?! Никак. Она ему не нужна. Только боль и страдание — вот их будущее. Нет, глупость это. Глупость и бред. Сумасшествие.

Она должна выкинуть это из головы. Забыть, словно ничего и не было. А ведь ничего и не было. Только наваждение — ничего больше. Просто ей хочется... Просто Лоре очень хочется какого-то света, тепла, нежности. Чего-то настоящего. Совсем чуть-чуть, самую малость. Ну хотя бы одну крупичку жизни. Одну...

— Это ничего, Долорес, что у тебя нет детей, — говорит ее мама. — Все в воле Божьей. Может, у тебя судьба такая. Я с твоим отцом больше тридцати лет живу. Думаешь, мне легко? Нелегко. Но я же живу. Нормально. У каждого своя жизнь. Кому-то Бог сразу все дает. Кому-то позже. А кому-то и вовсе — только там даст, в загробной жизни. Может, и хорошо, что сейчас не очень, может тогда там, в вечности, будет хорошо.

Смрад. Ее жизнь — это вечный, прогорклый смрад. Уже пять лет Лора ничего не чувствует, ничего. Она превратилась в безжизненную куклу. Лора поняла это вдруг, но определенно и совершенно отчетливо. Вся ее жизнь — это негодная, неумелая, неловкая попытка спрятать правду, скрыть всякое отсутствие в ней *жизни*.

Лору сотрясали рыдания. Дыхание сбилось, словно что-то сломалось в горле, и воздух застрял в глотке металлической помпой. Паника. Лора пыталась разорвать себе грудь, впилась ногтями в кожу. Порвать, сломать грудную клетку, открыть легкие — чтобы схватить один глоток воздуха, последний, чтобы вздохнуть...

— Мама, зачем ты нас родила? — на перебой спрашивают Лору дети. — Ты хочешь, чтобы мы были такими же несчастными, как и ты? Мама, почему ты нас так не любишь?..

От этих слов, от этих мыслей, от этих детских голосов внутри своей головы Лора готова умереть. Прикончить свою бездарную, бессмысленную жизнь. Одним движением, одним шагом. Может, вскочить и как-то откромсать себе голову. Циркулярной пилой, что хранится в гараже?..

— Нет, Долорес, ты не должна этого делать. Ни в коем случае! Это грех! — строго сказала мать. — Да, ты неудачница, Долорес. Но ты хорошая девушка...

Последние слова прозвучали даже сочувственно, но Лоре от этого стало еще горше, еще больнее. Зачем?! Зачем, мама, ты говоришь это? Зачем?! Пусть она замолчит! Пусть она немедленно замолчит! Я ненавижу тебя, мама! Лора с силой ударила себя в висок. Один, другой, третий раз.

— У тебя, конечно, скверный характер, это я с самого начала знал... — продолжил Брэд слова тещи. — Но то, что ты еще и неблагодарна! Настолько! Это для меня открытие! Ты меня совершенно разочаровала, Лора. Абсолютно.

Ну, зачем?! Зачем?! Кто его спрашивает?! Зачем он говорит это?! Лора с силой набросила на себя одеяло. Чтобы спрятать голову, чтобы ничего не слышать. Ничего. Да, ей не повезло. В этом нужно себе признаться. Это правда. Но как же быть? Что с этим сделаешь?! Нужно терпеть. Нужно просто терпеть. Но что терпеть? Ради чего?!

Нет, нельзя больше слушать никого — ни мать, ни воображаемых детей, ни Брэда! Все это ужасно. Все, что они говорят... Так больше не может продолжаться. Нет! Где же ее собственный — Лорин — голос?! Почему все говорят, а она молчит? Почему?! У нее нет ничего своего — ни своих мыслей, ни своих чувств. Ничего.

— Замолчите все! Слышите?! Замолчите немедленно! — что было сил закричала Лора. — Я больше не буду вас слушать! Поняли меня?! Я больше не буду! Я не могу! Я не хочу! Я не буду!

— И давно она так? — спросил вдруг незнакомый голос.

— Ну, так, чтобы настолько сильно, недавно. Можно сказать, с утра, — ответил растерянный голос Брэда.

— Замолчите! Я же сказала вам — замолчите! — заорала Лора в ответ и с силой заткнула уши.

Стоп! Это настоящие голоса... Лора резко стащила с головы одеяло и увидела в дверях спальни бледного как полотно Брэда и неизвестного ей мужчину средних лет — в круглых очках на худощавом, вытянутом лице, в сером льняном пиджаке, из-под которого выглядывал черный пасторский воротничок.

*К вечеру жара спала,
но Лора только еще больше озябла.
Она не понимала, что с ней происходит,
кто этот человек в сером пиджаке,
что сидит у них в гостиной,
и почему он задает ей все эти вопросы.
Брэд называл незнакомца — «отец Готлим».
И этот Готлим спрашивал Лору о ней самой,
о ее чувствах, о ее вере, о Брэде, об их детях.
Какое ему дело? Зачем ему это знать?
Время тянулось мучительно, тяжело.
Словно кто-то наверху забыл перевести стрелки.
Но несмотря на крайнее истощение и усталость,
Лора продолжает отвечать.
У нее не было выбора — здесь сидел Брэд,
а значит, Лора должна повиноваться.*

— Лора, а почему вы сказали Брэду, что Ада нет? Вы ведь так сказали? — отец Готлим поправил очки и внимательно уставился на Лору.

Кажется, что он уже составил мнение о ней и теперь разговаривает лишь ради какой-то праформы, без всякой заинтересованности или любопытства.

— Я так сказала? — Лора неловко пожала плечами. — Ну, может быть. Да, наверное, я так сказала.

— Но это ведь странное заявление... — отец Готлим попытался придать своему голосу некоторую веселость. — Согласитесь!

— Странное? — Лора поежилась.

— Ну, конечно! — словно в подтверждение своих слов отец Готлим натужно рассмеялся. — Ведь всем хорошо известно, что Ад есть! Куда еще отправляться душам грешников?! Только в Ад. Кроме того, у нас есть неопровержимые доказательства — об Аде говорит Священное Писание. Есть картины Ада, теологические исследования этой проблемы. Разумеется, Ад есть!

— Да? — Лора улыбнулась одной половиной рта. — Но я так не думаю.

— Странно, очень странно, — пробурчал себе под нос ее собеседник. — Вы на этом настаиваете?..

Отец Готлим пригвоздил Лору своим холодным, бесстрастным взглядом. В его глазах в эту минуту было все — от недоумения до высокомерного презрения.

— Настаиваю, — сказала Лора. Признаться, она сама от себя этого не ожидала. Зачем ей понадобилось говорить о своих мыслях с этим странным, неприятным господином? Она же могла смолчать, уйти от ответа или, наконец, — просто соврать. Брэд явно питает к нему какое-то особенное уважение. Лорин муж обычно людей не жалуется. Но сейчас он смотрит этому господину в глаза, ловит каждое его слово и непрерывно поддакивает.

— Потрудитесь объяснить, почему вы в этом так уверены? — отец Готлим запахнул пиджак, сложил на груди руки и всем своим худым, как высохшая лиственница, туловищем откинулся на спинку кресла. — Или у вас нет объяснений?

— Есть, — сказала Лора, и ее голос дрогнул. — У меня есть объяснения.

— Ну, что же... Мы все во внимании. Да, Брэд? — отец Готлим бросил в сторону Брэда недовольный взгляд.

— Да, да... Разумеется, — поспешил поддакнуть Брэд, но тут же одумался. — Хотя, может быть, и не стоит ее слушать, отец Готлим? А?.. Ну, что она может сказать? Ну, честное

слово! Правда... Ничего умного ведь не скажет. А зачем нам глупости слушать, отец Готлим? Может, мы уже отправим Лору в спальню, а вы мне скажете, что делать и как поступить. Давайте не будем ее слушать. Понятно же, что она больна...

— Отчего же не будем? — отец Готлим погрузился в кресло еще глубже и основательнее. — Будем. Послушаем, что нам скажет Лора. Послушаем. Это даже интересно. Ну, милочка, рассказывайте, почему, по *вашему мнению*, Ада нет.

Лора осмотрелась по сторонам, но не испуганно, а словно желая найти где-то вокруг себя нужное слово или пример. Потом задумалась, замерла. И лишь через минуту, когда нужная мысль обрела в ее сознании форму, подняла голову.

— Рай — это место, где люди... — начала Лора и тут же запнулась, но, совладав с волнением, оправилась и продолжила: — Не люди, конечно, а души людей должны быть счастливы. И вот я думаю: ведь каждого человека кто-то любит. Ну, хоть кто-нибудь. Будь это даже убийца какой или злодей. Хотя бы его мать. Она же любит. И разве же будет она счастлива в Раю, если ее сын окажется в Аду, обреченный на вечные мучения? Нет, она не будет счастлива. Значит, и Рая для нее нет. Но если она всю жизнь была чиста перед Богом, почему ей отказано в Рае? Поэтому Ада нет. Это первое доказательство.

— Первое?! — противно расхохотался отец Готлим. — Неужели есть еще и второе?!

— Да, есть и второе, — подтвердила Лора.

С каждым словом ее речь становилась все более четкой, уверенной. Она говорила о том, о чем знала. Не верила даже, а просто *знала*. И эта ее проникновенность, эта ее сила напугала и отца Готлима, и Брэда.

— Какое же? — зло спросил отец Готлим и поежился.

Рай — это место, где души людей должны быть счастливы. И вот я думаю: ведь каждого человека кто-то любит. Ну, хоть кто-нибудь. Будь это даже убийца какой или злодей. Хотя бы его мать. И разве же будет она счастлива в Раю, если ее сын окажется в Аду, обреченный на вечные мучения? Нет, она не будет счастлива. Поэтому Ада нет.

— Такое, — ответила Лора. — Вот если Бог скажет мне на Страшном Суде: «Лора, ты прожила праведную жизнь. Ты заслужила Рай», — я ведь обязательно спрошу Его: «А все ли из тех, кого я любила, заслужили Рай?» Не знаю, что Он мне ответит. Но я точно знаю, что я не пойду в Рай, если Он назовет хотя бы одно имя. Я не пойду в Рай без тех, кого люблю. Как я буду в Раю без них? Я не могу. Я не пойду в Рай без них.

— Но ваш муж праведен, — невольно улыбнулся отец Готлим. — В этом смысле вам нечего бояться...

— Я сказала, что думаю, — оборвала его Лора.

Воцарилась гробовая тишина.

Лору отправили наверх, в спальню. Мужчины — Брэд и его гость — остались в гостиной. Поднимаясь по лестнице, Лора обернулась. Она никогда не видела мужа таким испуганным, стыдливо лебезящим. Он стоял рядом с креслом отца Готлима — красный, потеющий, с дрожащими руками.словно нашкодивший мальчишка, трусливо ожидающий наказания. Да что это с ним такое?!

Закрыв за собой дверь, Лора машинально взяла стул и поставила его к стене под вентиляционной решеткой. Это дом ее родителей. Лора знает его, как свои пять пальцев. Если встать сейчас на этот стул и приложить ухо к отверстиям решетки, можно услышать, что происходит в гостиной. Лора раздумывала. Поставила одну ногу на стул и посмотрела на решетку. Вторую... Встала. Еще секунда, и...

— Я просто не понимаю, как вы могли допустить это, Брэд?! — отец Готлим буквально шпиговал мужа Лоры словами.

— Но... я не знал... я думал... — блеял в ответ Брэд. — Мне сказали, святой отец, что это просто этническая музыка... Такой концерт на свежем воздухе...

— Поразительная! Поразительная близорукость! Непозволительная! — отец Готлим застрекотал высокими нотами. — Под самым вашим носом! В вашей семье! Происходит такое! Адепт, высший посвященный шаман племени Нгати Уатуа духовно соблазняет жену послушника Церкви Праведного Гнева!

— Но откуда мне было знать... — пытался оправдываться Брэд.

— Я еще разберусь, как такое вообще могло произойти в достойнейшем Потуа! — взвизгнул отец Готлим. — Куда смотрят его достойные граждане?! Мы изгнали отсюда шаманов Нгати Уатуа еще сто лет назад! Наши предки заплатили за это кровью! Отдали свои святые жизни! А что теперь?! Их внуки и правнуки позволяют Нгати Уатуа, этим мерзким осквернителям веры, вернуться?!

— Святой отец, но неужели все так серьезно? Может быть, это просто временное помешательство?.. — Брэд предпринял последнюю, жалкую попытку найти иное объяснение состоянию Лоры.

— Нет, Брэд. Нет никаких других объяснений. — Отец Готлим говорил, чеканя каждое слово. — Это война, Брэд. И тот, кто проявляет в ней слабость, — проигрывает. Маори только сделали вид, что приняли Христову веру. На самом деле, они по-прежнему верят в своих бессмертных духов. Они по-прежнему отказываются принимать факт Великого Божественного Творения. Они по-прежнему не боятся Божьей Кары, не верят в Ад и в возмездие Страшного Суда. А мы верим и мы служим своей вере!

— А может быть, этот маори совсем не так страшен?.. Просто...

— Нет, Брэд, — проскрежетал отец Готлим. — Не ищите себе оправданий! Маори — это маори. Они наши враги. Мы верим в Бога, который даровал нам вечность и бессмертие. А они — эти маори — верят в вечность и бессмертие, которые даровали нам Бога. И мы никогда не сойдемся, Это война. Они, видите ли, не могут себе представить, как нечто появилось из ничего! Они, видите ли, не могут понять, как душа покидает мир! Они, видите ли, уверены, что гармония дана человеку здесь, на земле. И ему нет ни нужды, ни возможности покинуть этот Рай! Богохульники! Богохульники! Богохульники!

Отец Готлим, казалось, уже говорил сам с собой. Он был вне себя от бешенства. Каждый раз, когда он говорил «маори», это слово звучало в его устах словно жестокое проклятье.

— Но как это все связано с Лорой, святой отец? — залепетал Брэд.

— Маори похищают души, Брэд, — зловеще прошептал отец Готлим. — Своими дьявольскими ритуалами они похищают у людей души, Брэд. Их тотемы — это вовсе не безобидные деревяшки. Их тотемы, Брэд, это похищенные души. И вот теперь эта беда пришла и в твой дом. Маори украл у твоей жены душу! И что ты теперь будешь делать, Брэд? Как ты поступишь?

— А как я должен поступить, святой отец? — растерялся Брэд.

— А как должен поступить послушник Церкви Праведного Гнева, узнав, что шаман племени Нгати Уатуа украл душу его жены? — отец Готлим сказал это так, словно Брэд и сам знал ответ на свой вопрос, но боялся даже допустить мысль об этом.

— Праведный Гнев?.. — с ужасом в голосе прошептал Брэд.

— Праведный Гнев, — ответил отец Гот-лим. — Брэд, вам помогут.

Последовал странный звук, похожий на хлопок. У Лоры возникло ощущение, что на пол гостиной упало что-то большое и тяжелое. Через минуту жалобно скрипнула входная дверь. Лора соскочила со стула и на цыпочках подбежала к темному окну спальни. Ночь. На улице никого. Отец Готлим подошел к своей машине, сел в нее и уехал. Одинокий уличный фонарь вздрогнул от внезапного порыва ветра.

Не зная, что и думать, испуганная Лора залезла под одеяло и притаилась. Что будет дальше?.. Прошло около получаса. Брэд так и не появился.

Фраза за фразой — Лора прокручивала в голове подслушанный разговор. Что такое Церковь Праведного Гнева? Лора о такой ничего не знала. С детства она ходила в протестантскую церковь, да и Брэд тоже всю жизнь был протестантом. Как могло случиться, что он стал «послушником» какой-то церкви? А почему он так трепетал перед этим «отцом»? И что значит — «Праведный Гнев», о котором они говорили?

Маори украл у Лоры душу?.. Было бы что воровать! Лора даже мысленно улыбнулась. Скорее, прав Анитаху, и Лора уже пять лет как мертва. Может, это действительно так? Вот почему ей видятся дети, которых нет. Вот почему у нее чувство, что время остановилось. Вот почему она ничего не чувствует, даже боль. Лора слышала, что некоторые души умерших не отходят в иной мир, а застревают между тем миром и этим.

«Маори только сделали вид, что приняли Христову веру. На самом деле они попрежнему верят в своих бессмертных духов». Маори очень странные — это правда. Они примирились с белыми переселенцами, оставили многие земли, приняли христианство, но ничуть не изменились. Они не воспринимают воскрешение Христа как чудо. Для них это обычное дело. Душа бессмертна, что же удивляться, что Христос воскрес?..

Рассказывают, что когда христианские миссионеры пришли к маори и говорили с ними, те только смеялись в ответ.

«Почему вы смеетесь, когда я рассказываю вам о том, как Бог сотворил небо и землю?» — спросил растерянный миссионер у вождя одного из туземных племен.

«Потому что это смешно, — ответил вождь. — Как что-то может появиться из ничего? Земля и небо были всегда. От их взаимной любви родились дети — первые люди. От тех людей произошли мы. А как вы представляете себе ваше "ничто"? Его же нельзя представить: оно — *ничто!* Вы очень смешные...»

«Вы не верите, что у этого мира есть свое *начало*? — не поверил миссионер. — Но как же появилась ваша земля?»

«Бог удил рыбу в океане и удочкой достал из него острова...», — вождь маори недоуменно пожал плечами, словно речь шла о совершенно очевидных и понятных даже ребенку вещах.

«Так значит, и океан был всегда? — миссионеру показалось, что он нашел способ подловить маори. — То есть не только земля и небо, но и океан?..»

«Конечно, — улыбнулся туземец, — и океан».

Миссионера потрясла эта неслыханная самоуверенность вождя маори. Как он вообще может размышлять о вещах, в которых ничего не смыслит?! Миссионер задумался. И тут ему в голову пришла превосходная мысль. Теперь он знал, как вывести на чистую воду заносчивого маори!

«Но где же находился ваш Бог, когда он выуживал землю из океана?» — с подвохом спросил миссионер.

«Он сидел в лодке», — улыбнулся туземец.

«В лодке?! — миссионер не поверил своим ушам. — Но ведь лодка делается из дерева. Откуда же дерево, если не было еще островов, на которых оно могло вырасти?!»

Миссионеру показалось, что он одержал победу в этом споре. Он уже готов был почивать на лаврах... И каково же было его удивление, когда, вместо разочарования и испуга, он увидел на лице маори спокойную, добрую улыбку!

«Ну?! Так как же?!» — миссионер сорвался на крик.

«Смешные вы люди...» — маори продолжал улыбаться.

И Лоре вдруг подумалось, что, наверное, тот миссионер выглядел тогда так же, как и отец Готлим, когда Лора сказала ему, что Ада нет. Но ведь это так естественно! И то и другое — и то, что поняла Лора, и то, о чем думал тот маорийский вождь, когда... улыбаясь, отвечал на вопросы миссионера.

Если тебя хоть кто-нибудь любит, ты уже не можешь оказаться в Аду. А у вечности просто не может быть «начала». Так какая же разница, как объяснить появление земли и неба?.. Всегда что-то было, и всегда что-то будет. И в этом счастье, потому что в этом и заключена тайна бессмертия. Ничто не умирает, но только перерождается.

Лора лежала в постели и улыбалась. Она глядела в сумрак и чувствовала, как изнутри нее идет свет.

— Ада нет... Ада нет... Ада нет... — шептала Лора. — Господи, какое же счастье!

И вдруг черная тень легла ей на сердце. Лора почувствовала ее физически.

— Праведный Гнев... — прошипел сумрак. — Праведный Гнев...

Если тебя хоть кто-нибудь любил, ты уже не можешь оказаться в Аду. А у вечности просто не может быть «начала». Так какая же разница, как объяснять появление земли и неба?.. Всегда что-то было, и всегда что-то будет. И в этом счастье, потому что в этом и заключена тайна бессмертия. Ничто не умирает, но только перерождается.

Дверь в спальню отворилась, и на пороге появился Брэд. Лора не сразу его узнала. На миг ей почудилось, что голова Брэда стала в два раза больше обычного. И что на ней появились большие, устрашающие рога.

— А-а-а! — закричала Лора и забилась в изголовье кровати.

— Не кричи! — приказал Брэд и включил свет. — Это я.

Когда люстра зажглась, Лора поняла, что Брэд просто замотал голову кухонным полотенцем.

— У тебя голова болит? — неуверенно спросила Лора, продолжая машинально тянуть на себя одеяло.

— Да, — ответил Брэд. — То есть нет. Ударился.

Брэд сел на край кровати, закрыл лицо руками и замолчал.

— Брэд, ложись спать, — попросила Лора. — Поздно уже.

Но Брэд ничего не ответил, даже не шелохнулся. Прошло еще несколько минут. Лора продолжала сидеть в изголовье кровати, закутавшись в одеяло. Она следила за мужем и вдруг поймала себя, на чувстве, что видит перед собой совершенно чужого человека. Да, он был как будто из фильма. Как если засмотришься на какого-нибудь человека в городе — в кафе или в

автобусе — и понимаешь: у него своя жизнь, свои проблемы, свои интересы. Вроде как и живой, а не *твой* человек, не настоящий. Чужой.

Так и сейчас с Брэдом. Они прожили вместе пять лет, а знакомы и вовсе с самого детства. И ведь всегда были просто знакомыми, даже не друзьями. *Знакомыми*. Жили рядом — через две улицы. Родителей связывали какие-то общие дела. Ну и все. Как в какой-то глупой сказке. В розовом доме — девочка, в синем — мальчик. А потом они вырастают, и мальчик говорит девочке: «Зачем тебе дергаться? Давай поженимся? Что ты одна?» Именно так Брэд в свое время и сделал Лоре предложение.

Он никогда не говорил ей — «любимая». Он говорит — «я же тебя люблю» или «я, как любящий муж». Из прилагательных в свой адрес Лора слышала только официальное — «дорогая», и еще несколько неприятных эпитетов. Но Лора не обижалась. Старалась не обижаться. Ведь всегда же можно найти оправдание для человека, войти в его положение, понять. Всегда же есть тысяча причин... А если ты любишь человека, то должен все ему прощать. Лора любила мужа. Заставляла себя его любить.

Это ведь просто. Нужно постоянно говорить себе, что ты любишь его, что он тебе дорог, что он хороший. Повторять это, и все. И появляется нужное отношение. В конце концов, можно что-то додумать, допридумать. А замечать только плохое — это неправильно. Если ты стала женой человека, нужно думать о нем хорошо. Это твой долг. Твоя обязанность. Лора превратилась в тень Брэда и смирилась с этим. Может быть, другие женщины живут по-другому. Но кто даст гарантию, что они счастливы?..

Брэд шелохнулся, Лора испугалась. По-настоящему, на самом деле. И снова это чувство — чужой человек. Совершенно чужой. Чего от него ждать?! У Лоры началась паника. Она вцепилась в одеяло с такой силой, что чуть не проткнула его ногтями.

— Зря ты меня не слушала Лора, — холодно сказал Брэд. — Зря. Ты никогда меня не слушала. Только вид делала, что слушаешь, а не слушала. Ты меня не любишь, Лора. Но это ладно. Но ты меня и не уважаешь, а это плохо, что это за семья, если жена мужа не уважает? Врешь мне постоянно. Что-то скрываешь. Зря, Лора. Зря.

Брэд словно специально себя накручивал. Зачем?.. Лора задрожала.

— Кто это был? — спросила она. — С кем я разговаривала?

— С отцом Готлимом, — сухо ответил Брэд.

— Но ты сказал, что приедет врач, — тихо возразила Лора. — Я думала, что он врач. Так нехорошо. И это не исповедь, если нет тайны исповеди...

— Он врач, — отрубил Брэд. — Просто еще и священник.

— А в какой церкви он служит? — словно невзначай спросила Лора и поперхнулась от обуявшего ее страха.

Брэд поднял голову и тяжелым, испытующим взором посмотрел на жену. Два острых стержня пригвоздили Лору к стене.

— Почему ты спрашиваешь? — в голосе Брэда прозвучала угроза.

— Просто спросила...

— Все время врешь мне, — процедил сквозь зубы Брэд.

Он встал, подошел к платяному шкафу и достал оттуда два галстука и два ремня.

— Брэд, что ты собираешься делать?..

— Пожалуйста, Брэд, не надо... — Лора прижалась щекой к руке Брэда и попыталась заглянуть ему в глаза.

Брэд уже затянул на запястье жены петлю и завязывал концы галстука на металлической перекладине их супружеской постели.

— Брэд, милый, ну что ты делаешь? — Лора пыталась улыбнуться, слезы бессильно катились у нее из глаз. — Брэд, любимый, зачем?

Брэд одернул Лорину руку, проверил узел. Крепко. Никуда не денется. Взял другую руку и второй галстук и с силой притянул ее к перекладине.

— Ну что же ты делаешь, Брэд!

Лору охватило отчаяние. Она попыталась вырваться, но Брэд держал ее руку, вцепившись, как клешнями. Лора инстинктивно, защищаясь, толкнула его ногой. Брэд навалился на Лору всем своим телом и затянул второй узел. Все. Дальнейшее сопротивление бессмысленно. Брэд поднялся, чтобы зафиксировать ноги жены ремнями.

Лора вывернулась и, привязанная руками к кровати, встала на колени. Сознание ее помутилось. Она услышала в коридоре детские голоса.

— Брэд, слышишь меня? Перестань. Слышишь?! Дети увидят. Что они подумают, Брэд?! Что они подумают?!

— Лора, у тебя нет детей, — проскрежетал Брэд. — Выбрось эту дурь из головы! Хватит издеваться надо мной! Хватит валять дурака! Я все знаю! Я все знаю!!!

— Что?! Что ты знаешь, Брэд?!

— Я знаю, что ты связалась с этим маори. Ты отдала ему душу. Ты продала душу Дьяволу! Ненавижу тебя! Ненавижу!

— Мама, мама! Что у вас там происходит?! У вас все в порядке?! — Лора услышала, как дети кричат в коридоре и стучатся в спальную.

— Брэд, нет!

Брэд схватил Лору за ноги и рванул с силой, чтобы повалить ее на постель. Лора больно ударила головой о стену и на какое-то время потеряла сознание. Когда она очнулась, Брэд уже почти закончил привязывать вторую ногу. Ремни больно сдавили щиколотки. Лора дернулась. Все бесполезно.

— Я всегда обращался с тобой, как с человеком, — тихо сказал Брэд. — Но ты, видимо, не понимаешь человеческого отношения. Ты заставила меня краснеть перед людьми. Ты меня опозорила, Лора. Тебе нет прощения. Ты будешь лежать здесь, привязанная, пока все не кончится...

— Брэд, что «не кончится»? Что ты задумал?.. — прошептала Лора.

— Тебе не нужно этого знать.

— Брэд, зачем ты кого-то слушаешь? Брэд... — взмолилась Лора, пытаясь достучаться до него, в последний раз. Она подняла голову и силилась поймать его взгляд. — Никто не крал мою душу, Брэд. Никто. Просто я больна. Просто мне плохо, Брэд. Пожалуйста! Ты не понимаешь... Мне действительно очень плохо. Мне нужна помощь, Брэд. Я устала. Я очень устала. Брэд...

— Не хочу ничего знать... — сказал он и направился к двери.

— Брэд, пожалуйста... Брэд, отпусти меня. Я уеду. Ты больше никогда меня не увидишь. Брэд, давай закончим с этим. Давай закончим с этим раз и навсегда. Брэд...

Брэд остановился в дверях и внимательно посмотрел на Лору. Он посмотрел на нее, как на предмет, как на какую-то дрянную мелочь, на досадное неудобство. Как на колючку репейника, приставшую к его штанам. Он так смотрел на нее — на Лору, на свою жену. Он смотрел на нее, как на мертвую.

— Да. Мы закончим с этим, Лора. Раз и навсегда, — сказал Брэд, выключил в спальне свет и закрыл за собой дверь.

— Брэд! — Лора задохнулась в рыданиях.

*Лора лежала в постели,
как на косом распятые.
Не имея возможности ни приподняться,
ни даже просто повернуться.
Она превратилась
в закоченевший, полуживой манекен.
Все тело — от кончиков
пальцев до макушки —
затекло и надсадно ныло от боли.
Прошло уже несколько часов. Скоро рассвет.
Но чем поможет ей
поднимающееся над Потуа солнце?
Ничем. Лора совсем одна. Совсем.
Слезы лились по ее щекам все это время.
И казалось, что скоро они закончатся,
а с ними закончится и сама Лора.
В ней ничего не осталась. Ничего.
Только пустота.*

За что Брэд так обошелся с нею? Что она ему сделала? Лора попыталась найти оправдание мужу, но не смогла. Стала молиться, но слова молитвы умирали у нее на устах. Бог никогда ее не слышал. Никогда. Не услышит Он и теперь,

— Ты продала душу Дьяволу! — прозвучало у Лоры в голове.

— Я бы продала, будь моя воля... — прошептала Лора. — Только кому она нужна...

И в эту же секунду жуткая судорога сковала ее тело. Дикие спазмы сотрясали, скручивали, выгибали Лору, словно она и не человек вовсе, а кусок глины, попавший в гигантский штамповочный аппарат.

— Господи! Господи милосердный! — кричала Лора, чувствуя, как неведомая сила сминая ее тело и тянет железной рукой в преисподнюю. — Господи, помоги же мне! Помоги!..

— Лора, открой глаза! — раздалось где-то рядом.

— Кто здесь?! — судорога чуть отпустила Лору и она заметалась на своей привязи, как зверек перед заклинанием. — Кто?!

— Лора, ты просишь о помощи, но в целом свете есть только один человек, который способен тебе помочь, — ответил голос.

— Кто же это? — закричала Лора. — Кто может мне помочь?!

— Ты сама, Лора, — ответил голос. — Ты просишь помощи у Бога, но Бог в тебе. Бог в каждом. Ты просишь помощи у себя, Лора. И если не получаешь ответа и не находишь поддержки — значит, ты просто не слышишь себя.

Услышав этот ответ, Лора поначалу испытала отчаяние. Ей показалось, что голос говорил ей: «Ты одинока!» Но, дослушав до конца, Лора поняла, что голос говорил совсем о другом. Он говорил ей: «Ты одинока, Лора. Но только потому, что сама выбрала свое одиночество. Ты можешь все переиграть. Главное — это услышать себя».

— Я не слышу себя? — переспросила Лора, словно желая удостовериться в том, что все поняла правильно.

— Да, не слышишь, — подтвердил другой голос. — Лора, ты живешь с чувством, что ты несчастна. Ты постоянно борешься с обреченностью. Ты уверена, что тебе всегда не везет. Ты живешь без всякой надежды на счастье. Ты уговариваешь себя смириться. Но кому ты говоришь это, Лора?

— Кому я это говорю? — не поняла Лора.

Ты просишь помощи у Бога, но Бог в тебе. Бог в каждом. Ты просишь помощи у себя, Лора. И если не получаешь ответа и не находишь поддержки — значит, ты просто не слышишь себя.

— Да. Кому ты говоришь это?

— Ну, наверное, себе, — Лора очень удивилась. — Да, наверное, себе.

— А что говорит та Лора, которую ты постоянно уговариваешь? Что говорит та Лора, от которой ты требуешь смирения? — спросил первый голос.

— Что говорит та Лора?.. — повисла пауза, слезы стали снова душить Лору, но другие, совсем другие слезы. — Она говорит... — прошептала Лора. — Она говорит, что хочет быть счастливой. Она говорит, что хочет любить мужа и чувствовать себя любимой. Она говорит, что хочет жить в счастливом доме,

полном счастливых детей...

— И зачем ты отговариваешь ее? Зачем ты отговариваешь ту Лору? Почему ты слушаешь «эту», а не «ту» Лору? Лора, ответь...

Но Лора не могла ответить. Она плакала. Она плакала от зависти. От огромной, от огромной-огромной зависти к той Лоре, которая хотела, могла и была бы счастливой, если бы только ей дали шанс. Хотя бы один...

— Что ты сейчас чувствуешь? — спросил первый голос.

— Зависть... — сквозь слезы прошептала Лора.

— Зависть? — удивился второй голос.

— Да, — прошептала Лора. — Я чувствую зависть...

Она облизала пересохшие губы и почувствовала на языке характерную солоноватую горечь слез.

— Кому ты завидуешь, Лора? — спросил первый голос.

— Я завидую себе. Я завидую той, которая не побоялась бы жить своей жизнью...

— И что же ты теперь будешь делать, Лора?

— Я... Я... — Лора задыхалась от рыданий, ей хотелось кричать. — Я всю жизнь ждала чуда. Всю жизнь... Я пыталась жить правильно. Чтобы никто не мог меня упрекнуть, чтобы никто не мог попенять мне за предосудительные поступки... Я хотела быть *хорошей* — хорошей дочерью, хорошей женой, хорошей матерью... Я хотела быть хорошей...

— А как бы жила та Лора? — спросил первый голос.

— Та Лора?.. — Лора задыхнулась новым приступом рыданий. — Она не хочет быть хорошей. Она хочет быть счастливой...

— Лора, ты видишь теперь, что та Лора — это ты *настоящая*? — второй голос дрогнул от переполнявших его чувств.

— В тебе столько нерастроченной любви! — подхватил его слова другой голос. — От кого же ты прячешь эту любовь?

— Мне стыдно... — прошептала Лора. — Мне стыдно быть открытой, открыть любовь, душу... Кому она нужна? Куда мне с ней?

— Ты стыдишься прекрасного... — нежно улыбнулся обладатель первого голоса. — Но разве можно стыдиться красоты?.. А пока ты не откроешь свою душу, не выпустишь свою любовь из заточения, ты не узнаешь ответа на свой вопрос. Но только приоткрой, и ты увидишь...

— Увижу... — повторила Лора, чувствуя, как вдруг внутри нее шелохнулось крохотное, слабое, но такое великое счастье. И с каждой секундой, с каждым мигмом оно становилось все больше, все сильнее. Настоящее.

— И что же ты теперь будешь делать, Лора? — снова спросил один из голосов.

— Лора, что ты будешь делать теперь? — повторил за ним другой.

— Я... Я... Я больше не буду ждать. Я больше не буду терпеть. Пусть я не буду *хорошей*. Пусть меня ругают, пусть злословят, пусть осуждают. Я хочу быть счастливой! Я хочу *жить*...

— Лора, ты будешь счастлива, — прошептал первый голос. — Подумай о тех, кому завидуют. Завидуют сильным, завидуют свободным, завидуют счастливым. Никто не будет

завидовать слабым, забитым и несчастным. А сильный, свободный и счастливый человек не знает зависти. У него есть главное — у него есть он сам, *настоящий*.

— Лора, ты будешь счастлива, — прошептал второй голос. — Только не бойся осуждений, не бойся косых взглядов, не бойся пересудов. Не бойся своих желаний, ведь ты не хочешь ничего плохого — ты не хочешь зла, не хочешь насилия, несправедливости, боли. Хорошему человеку нет нужды пытаться быть «хорошим», он — *хороший*.

Подумай о тех, кому завидуют. Завидуют сильным, завидуют свободным, завидуют счастливым. Никто не будет завидовать слабым, забитая и несчастным. А сильный, свободный и счастливый человек не знает зависти. У него есть главное — у него есть он сам, *настоящий*.

Только не бойся осуждению, не бойся косых взглядов, не бойся пересудов. Не бойся своих желаний, ведь та не хочешь ничего плохого — ты не хочешь зла, не хочешь насилия, несправедливости, боли. Хорошему человеку нет нужды пытаться быть «хорошим», он — *хороший*.

Лора улыбалась. Распятая на своей кровати, измученная болью, измученная слезами и всей своей жизнью, Лора, наконец, улыбалась. И не так, как прежде, как всегда — искусственной, натянутой улыбкой, а всей душой, всем своим огромным, полным любви сердцем.

Еще десять минут назад Лоре казалось, что жизнь ее кончилась. Она плакала и с этими слезами уходили ее последние силы. Она стала полным ничтожеством — ничем, пустотой. И вот, дойдя, казалось, до крайней, до последней точки, она ожила.

— Кто вы? С кем я разговариваю? — спросила Лора и огляделась по сторонам.

Но вокруг никого не было. Лишь очертания ее спальни в свете брезжащего утра.

— Ты нас не знаешь, Лора. А наши имена тебе ничего не скажут, — ответил первый голос, и Лора почувствовала, что он улыбается — по-доброму, с искренней, сердечной заботой. — Но мы думаем о тебе и очень беспокоимся за тебя.

— Но все же, как вас зовут? Скажите мне, пожалуйста. Я хочу знать ваши имена, — попросила Лора с чувством глубокой благодарности, объявшей ее.

— Меня зовут Данила, — сказал первый голос. — А моего друга — Анхель.

— Тебе только кажется, что ты одинока, — подтвердил второй голос. — На самом деле это не так. Мы всегда рядом. И кроме нас, еще многие люди думают о тебе и волнуются за тебя. Помни об этом...

— Мы всегда рядом...

— Спасибо! — прошептала Лора.

Но голоса растаяли в пространстве, и больше их уже не было слышно.

Лора так и лежала на кровати, привязанная к металлическим перекладинам. Но ее тело вдруг словно оттаяло. Еще никогда Лора не чувствовала себя такой расслабленной, такой свободной... Всю свою жизнь, с самого детства, Лора была зажатой, скованной внутренним напряжением. А сейчас это ушло — само собой, без малейших усилий и стараний. Лора освободилась.

И она почему-то стала вспоминать свое детство, как была маленькой девочкой — худенькой, голубоглазой, с длинными, золотистыми волосами. Как однажды мама задержалась и не успела вовремя забрать ее с занятий. Лора сидела на широком школьном крыльце и смотрела на людей, на собак, играющих во дворе, на высокое небо.

Вдруг невдалеке показался старый маори с красивым мальчиком. Мальчик был ненамного старше Лоры, но во всем его облике, поведении читалась какая-то загадочная сила — размеренность, благородство. Лора залюбовалась мальчиком маори. Старик заметил это, остановился и тоже сел на крыльцо.

Старый маори был совсем седым. Все его широкое морщинистое лицо покрывала татуировка. Загадочный орнамент напоминал огромную птицу. На щеках лежали ее распахнутые крылья. Лоб украшал чудесный хвост. А голова и диковинный хохолок птицы уместились на губах и подбородке индейца. Длинные волосы старика были убраны на затылок, и из копны седых прядей выглядывали два красочных пера.

Лоре было очень интересно наблюдать за этой парой — стариком и мальчиком. Но она боялась.

— Я напугал тебя, девочка? — спросил старик, не глядя на Лору.

Он достал из заплечной сумки курительную трубку, набил ее табаком и поджег. Клубы пряно-сладкого дыма поднялись в воздух.

— Мама запрещает мне разговаривать с маори, — тихо ответила Лора. — Она говорит, что маори — людоеды. И если я заговорю с кем-то из них, то он меня съест.

— Белые люди умеют говорить о том, в чем ничего не смыслят, — ответил старый маори, не глядя на Лору, и затаился сладким табачным дымом.

— Это почему же? — Лора даже оскорбилась.

— Потому что, когда ты вырастешь, — тут старик посмотрел в небо и через секунду продолжил, — ты полюбишь моего сына и выйдешь за него замуж. Вы будете счастливы и проживете вместе долгие годы. У вас родятся дети, много детей. Они будут наполовину маори, а наполовину, как ты, — белые.

Лора тогда приснула со смеху. На самом деле, она ужасно смутилась и не знала, как себя вести. Во-первых, как это возможно, что она влюбится в маори? А во-вторых, она никогда не видела, чтобы дети были наполовину смуглые, как индейцы, а наполовину — белые. И где будет эта граница? На животе или вдоль всего тела? Потому что если на животе — то это будет относительно легко спрятать. А если вдоль тела — тогда ведь и на лице! Как тут спрячешь?!

Сейчас Лора смущенно улыбалась, вспоминая те свои детские рассуждения. Очень странным был этот разговор. О чем же они говорили дальше?..

— Откуда же вы это знаете? — спросила Лора. — Мама говорит, что пути Господни неисповедимы.

— Белые люди умеют говорить о том, в чем ничего не смыслят, — повторил старик. — А узнал я про твое будущее просто — заглянул тебе в сердце, в нем все и написано.

От страха Лора потеряла дар речи. Она закрыла грудь своими маленькими ручками и задрожала. Ей как-то очень живо представилось, что маори заглянул ей в сердце. А поскольку Лора была уверена, что он людоед, фантазия получилась ужасающей.

— Всегда тебя будут подводить твои страхи, — грустно сказал маори. — Белый человек всего боится. Боится жить, боится умирать, даже себя самого — и то боится. Надо бы избавиться от страха, но белый человек и этого боится. Он выдумывает мир, в котором ему будет не так страшно. Но страх рождает чудовищ, и рано или поздно в придуманном мире белого человека все равно появляются чудовища. От чего ты бежишь, к тому и вернешься. А хочешь идти — так иди вперед, а не назад.

Лора не поняла тогда ни единого слова, но ей стало вдруг интересно — о чем это говорит индеец? Но спросить у старика, что именно он имеет в виду, Лора не решилась. Поэтому пошла на «бесстрашную» провокацию:

— Белый человек не придумывает никаких ненастоящих миров! Неправда!

Маори за все время разговора впервые посмотрел на Лору. Лора замерла от ужаса. Индеец показался ей очень страшным — таким он был грозным, важным и внушительным. Но вместо пугающего рыка, который она уже ожидала услышать, из его уст раздался добродушный смех.

Маори улыбался:

— Мир устроен просто — вот небо, а вот земля, а там вдали — океан. Все просто. И мы приходим из этого неба, из этой земли, из этого океана. Мы обретаем форму и живем. А потом настанет время, и мы вернемся в это небо, в эту землю, в этот океан. Поэтому маори всегда живут просто и весело. Разве могут похвастаться этим белые? Нет, они способны только завидовать нам. Все люди, в глубине души, хотят жить просто и весело. Но белые никогда не признаются себе в своей зависти к нам. Вот видишь это?

Белый человек всего боится. Боится жить, боится умирать, даже себя самого — и то боится. Он выдумывает мир, в котором ему будет не так страшно. Но страх рождает чудовищ, и рано или поздно в придуманном мире белого человека все равно появляются чудовища. От чего ты бежишь, к тому и вернешься. А хочешь идти — так иди вперед, а не назад.

Маори показал Лоре рисунок на своем лице.

— Нравится? — спросил он.

— Да, красиво, — кивнула Лора.

— Это Птица-Моа, — с гордостью сказал маори. — Она жила на этой земле многие тысячи лет. Прекрасная, сильная птица. Если бы ты с ней подружилась, то могла бы сесть ей на спину, и она бы отнесла тебя в самые чудесные уголки мира. Она показала бы тебе, как величественна и красива земля и сколько мудрости в ее простоте.

— А где же сейчас эта птица? — рассмеялась Лора, которой никак не верилось, что бывают такие большие птицы. — Спряталась у вас на лице?

Но старик даже не улыбнулся, а ответил Лоре совершенно серьезно:

— Птица-Моа — воплощение простоты и веселья. И когда ей стало нечего воплощать здесь — на земле, она улетела на небо. И теперь она живет там. Она ждет, когда люди проснутся от своего долгого сна и вернуться к самим себе.

Лора задумалась. Она представила себе прекрасную сильную птицу, которая улетела от людей, потому что они...

Заснули?! Ушли от самих себя?!

— Нет, — рассмеялась Лора. Тогда она еще умела смеяться своим веселым, залихватским детским смехом. — Люди никуда не уходили! Они все здесь. И они не спят. Только ночью!

— Это лишь так кажется, — печально сказал старик, отвернулся от Лоры и стал смотреть в небо.

Он замолчал. Просто сидел и молчал. Большие сиреневые клубы табачного дыма то и дело вырывались у него изо рта.

— Раньше мой народ тоже был другим, — грустно сказал маори, и так тихо, что Лора его едва расслышала, он словно говорил сам с собой, а не с ней. — Мой народ умел радоваться жизни. Потому что, если ты живешь просто, ты видишь радость во всем. Мы смотрели на этот мир и были счастливы. И ничто не могло омрачить нашего счастья, потому что мы ни от чего не зависели и ничего не боялись. Когда кто-то из наших родственников умирал, мы делали его фигурку, чтобы его дух мог входить в нее, если пожелает. А когда мы садились за стол — мы всегда накладывали три порции обеда для духов, если вдруг они захотят присоединиться к нашей трапезе. А если нам было что-то нужно, мы могли попросить это у наших духов. А если они нам отказывали, мы могли их отчитать — и в следующий раз не накладывали им еды. Простой мир, где все понятно. И веселый. Когда белые пришли к нам с войной, мы думали, что это они так играют. Нам даже нравилось играть в эту игру. Сначала. Но потом они выиграли, и все изменилось...

Лора слушала старика и незаметно для самой себя начала плакать. Ей стало жалко этого странного человека с птицей на лице. Она даже не понимала почему, но ей стало его жаль. А может быть, себя...

— А почему люди не могут быть счастливы? — прошептала Лора.

— Вместо того чтобы быть, они пытаются казаться. В этом все дело, — ответил маори. — Но если ты захочешь, ты сможешь изменить это.

— А что я должна для этого сделать? — спросила Лора.

— Ты должна научиться заглядывать в свое сердце так же, как я заглянул в него, — улыбнулся индеец и нежно потрепал Лору за ее длинные, золотистые волосы. — Тогда ты увидишь, как все просто. И ничего не бойся — иди и смотри.

Старик убрал трубку в свою котомку и встал с крыльца:

— Пойдем, — сказал он мальчику, который все это время сидел рядом и внимательно наблюдал за Лорой. — Нам пора, Анитаху...

Анитаху!!! Это был он!

Если бы Лора не была сейчас связана по рукам и ногам, она бы вскочила на кровати. Она бы подпрыгнула, взлетела от переполнившего ее душу восторга. Но она смогла только дернуться всем телом, словно подбитая в воздухе птица. Анитаху!

И Лоре тут же вспомнился вчерашний вечер и тот странный разговор у костра.

«Ты пришла», — сказал Анитаху, глядя на Лору через стену нежного золотого пламени.

«Да», — одними губами ответила Лора.

«Я ждал тебя».

«Откуда же ты знал, что я приду?»

«А ты разве не знала, что встретишь меня?»

«Знала...»

И Лора снова покраснелась, как тогда, — смущенная и счастливая.

«Нам предназначена эта встреча».

Теплые руки сильного человека с нежностью и заботой коснулись ее пальцев. И в ту же секунду страшная тень скользнула за окном ее спальни.

— А-а-а! — закричала Лора.

Оконная рама с грохотом распахнулась, и в спальню к Лоре ввалился человек.

— Тихо, Лора! Тихо! — прошептал он. — Не кричи! Это я — Дейвид!

— Дейвид?.. — не поверила Лора и испугалась еще больше. — Что ты здесь делаешь? Зачем?! Уходи немедленно!

— Лора, ты в своем уме?.. — Дейвид включил свет и увидел Лору, распятую на собственной кровати. — Куда уходить? Ты что, действительно с ума сошла?

— Я... Я... — Лора бессильно задергалась на кровати и запричитала: — Тебе нельзя быть здесь. Бред может вернуться. Что он подумает?!

Но Дейвид, кажется, решил не обращать на ее слабые протесты никакого внимания.

— Нет, это уже за гранью добра и зла, — раздраженно шептал он, развязывая Лору. — Господи, как ты могла позволить так с собой обращаться?! Я не понимаю. Это уму не постижимо! Бред какой-то! Кто он, чтобы тебя привязывать?! Это вообще...

Лора смотрела на суевившегося возле нее Дейвида, на свои освобожденные ноги, руки, и не знала, что с ней. В Лоре боролись ужас и счастье. Ужас прошлой жизни, ставшей вдруг дурным сном, наваждением, тенью лежащей на ее существо. И счастье — дикое, безумное и безрассудное счастье, — светом врывающееся в ее душу от жизни будущей, открывающейся только сейчас. Побег!

— Господи-боже! — закричал вдруг Дейвид. — Ты что, не можешь двигаться?!

— Могу, — недоуменно возразила Лора и попыталась подняться.

Ничего не получилось. Руки и ноги — как чужие. Тяжелые, бессмысленные, белые мясные рулеты. Лора попыталась хотя бы повернуться на бок. Но и для этого, как оказалось, человеку нужны его конечности, а Лору они ее не слушались.

— Что это?.. — у Лоры началась паника, ужас застлал ей глаза.

Ей показалось, что сейчас, в эту самую минуту, все ее мечты, все грезы, надежды — все — рухнули и разбились о жестокую, безжалостную реальность. Никакого побега. Никакого будущего. Ничего.

— Не чувствуешь? — спросил Дейвид, приложив руки к ее ногам.

— Не-а, — бессильно прошептала Лора.

— А так? — Дейвид приподнял ее руку.

— Как мертвые...

Дейвид почесал затылок. Задумчиво огляделся по сторонам.

— Просто затекли, — решил он. — Такое может быть. Если сильно перетянуть, то кровь плохо поступает и возникает такое состояние. Ничего страшного. Давай!

Почему люди не могут быть счастливы? Вместо того чтобы *быть*, они пытаются казаться. В этом все дело. Но если ты захочешь, ты сможешь изменить это. Ты должна научиться заглядывать в свое сердце. Тогда ты увидишь, как все просто. И ничего не бойся — иди и смотри.

Дейвид подтащил Лору к краю кровати, подсел, взвалил ее к себе на плечи и, слегка раскачиваясь, вышел в коридор второго этажа.

— М-да... — спаситель Лоры недовольно уставился на крутую узкую лестницу, ведущую вниз.

*Солнце показалось над океаном.
Огромное, величественное, прекрасное.
Его нежный, ласкающий золотом свет
заботливо обнял волну гладь.
Земной рай — Новая Зеландия —
в полной тишине и безмятежности
пробуждалась к новому дню.
Дорога петляла по холмистому берегу.
Лора полусидела-полулежала на заднем сидении
старого, знакомого ей еще с детства,
пикапа покойных родителей Долли.*

— Куда ты везешь меня, Дейвид? — спросила Лора.

— Куда-куда?! В Окленд! Куда еще? — ответил Дейвид, выжимая педаль газа. — Поселю тебя на день в гостинице. Вечером заберу, посажу в поезд, и поедешь к своим...

— К своим? — не поняла Лора.

— В Дунедин, к родителям, — объяснил Дейвид.

Дейвид был напряжен, как сжатая пружина. Лора никогда не видела его таким. Он был в гневе!

— Но как же... — растерялась Лора.

— Здесь тебе оставаться нельзя, — отрезал Дейвид. — Этот ваш городишко просто сошел с ума. В голове не укладывается! Средние века! Вот какой культурой мне надо было заниматься, а не маори! Непаханое поле для научных исследований! Жалкие люди — и ведь вроде бы с европейскими мозгами! — возомнили себя носителями истины о Добре и. Зле и гарантиями «Божьего Правосудия»!

Лора не поняла из его речи ни единого слова.

— Господи, Дейвид, да что же случилось?.. — недоверчиво спросила она.

— Нормально?! — Дейвид был настолько обозлен этим вопросом, что даже развернулся со своего водительского кресла к Лоре. — Тебя привязывают к кровати, как собаку, несчастного маори собираются всей деревней побить камнями, а она спрашивает — что случилось?!

Лора захлопала глазами.

— «Что случилось?» — раздраженно передразнил ее Дейвид. — А действительно — что случилось?! Да ничего, собственно, не случилось. Ну вот решили, правда, достопочтенные граждане Потуа устроить охоту на ведьм... А так — ничего! Все в полном порядке! Двадцать первый век на дворе. А у них — охота на ведьм. Прекрасно!

И тут вдруг все события, факты, мысли, чувства и предчувствия предыдущих двух дней сложились в голове Лоры, словно осколки зеркала на обратной перемотке. Вечер у костра и странный разговор с Анитаху, вчерашний допрос, учиненный отцом Готлимом, встреча с Долли в ресторане, поведение Брэда и еще множество других странных, трудно объяснимых ситуаций из детства и всей последующей жизни. Перед испуганной и потрясенной Лорой предстало зеркало, созданное чередой ее воспоминаний.

Отвратительный отец Готлим объясняет ее мужу, что маори украл у нее — у Лоры — душу. Послушник Церкви Праведного Гнева, которым оказывается ее муж Брэд, должен отомстить за бесчестие. Жители Потуа с давних пор принадлежат к этой тайной Церкви. Вот почему здесь так не любят чужаков, живут замкнуто, а дети Потуа женятся друг на друге.

Скрытая, тайная война с коренными жителями этих мест — индейцами племени Нгати Уатуа — длится уже добрую сотню лет.

Маори приняли христианство, но они не изменили своего мировоззрения — не поверили в легенду о Великом Божественном Творении, в Божью Кару, в Ад и в возмездие Страшного Суда. Они — другие. Но ортодоксальные верующие восприняли это как оскорбление, как попрание веры. И чтобы эта война продолжалась вечно, до победного конца, детям Потуа всегда настрого запрещается разговаривать с маори. И именно поэтому Лора с детства слышала, что маори — людоеды.

Долли, устроившая сцену в Квин-Боут, пыталась объяснить Лоре, что она должна сбежать из их городка. Сбежать с Анитаху, вырваться на свободу. Ведь Лора действительно умерла, выйдя замуж за Брэда. Не физически, но духовно. Тем временем слух об этом разговоре стремительно облетел Потуа. Впрочем, Брэд почувствовал неладное еще там, на острове, когда Лора увидела Анитаху. Он поспешил выдать все случившееся с ней за болезнь. Но не успел. И вместо врача Лору допрашивал уже отец Готлим.

— Когда мне Долли рассказала об этой «страшной тайне» городка Потуа, — продолжал разгоряченный Дейвид, — у меня прямо волосы дыбом встали! Ну это надо же! Все мужчины здесь, оказывается, принадлежат к какой-то секте, воюют с маори, окропляя их своим «Праведным Гневом»! Ты знала об этом, Лора? Знала?!

— Нет, — тихо сказала Лора. — Не знала.

— И я не знал! Уже почти год здесь живу — и не знаю! То-то я думаю, что они все такие тут странные — набожные, подозрительные, замкнутые? А это вот почему — они тут индейцев камнями побивают, оказывается! Понятно. Такая народная забава...

— Дейвид, поворачивай обратно, — попросила Лора.

— Не-е-ет, Лора, — кисло ухмыльнулся Дейвид и отрицательно покачал головой. — Мы обратно поворачивать не будем. Я сейчас тебя вывезу. Потом вернусь за Долли... Отказалась, кстати, ехать сразу — прикрывает тебя. Вот тоже героическая женщина! В общем, всех вас вывезу. И все. И мы уже больше никогда не вернемся в этот сумасшедший дом. Никогда! Это просто счастье какое-то, что Долли про их планы узнала! Говорит: «Найди Лору — во что бы то ни стало! Вывези ее из города. Дай Бог, чтобы Брэд не успел ее спрятать». Ну а я, когда понял, что все так серьезно, и говорю ей: «Долли, надо вместе ехать. Как ты тут останешься?!» А она говорит: «Ничего со мной не случится, но я должна тут быть. Иначе, если меня не будет, то сразу Лоры хватятся». Вот я тебе скажу...

— Дейвид, поворачивай, — повторила Лора.

— Лора, даже не проси, — строго сказал Дейвид. — Если ты не в курсе, тебя тоже должны побить камнями. Маори у тебя душу украл, как они думают, а значит, и ты сейчас за маори. «Преступный сговор». А с маори у них война. Пленных не берут. Так что нет, милая, я тебя увезу, спрячу, а потом отправлю к родителям. И никакого Потуа. Никогда. Никак. Ни за что. Все. Хватит.

Лора открыла дверцу машины. Ее руки только-только начали двигаться. Она ухватила своими ватными пальцами за ручку и открыла дверь. Машина летела с хорошей скоростью. Несчастный, испуганный поступком Лоры Дейвид ударил по тормозам, и пикап закрутило, как в центрифуге. Лора чудом не вылетела из салона сразу. Ее выбросило из машины только в последний момент. Подбросило, как манекен...

— Черт! — заорал Дейвид и выскочил из вылетевшей на обочину машины. — Нет! Лора! Черт, этого не может быть! Это безумие! Бред! Мне это снится! Ну почему?! Почему?!

У Дейвида началась истерика. Он стоял, прислонившись к покосившемуся пикапу, сгорбившись и держась обеими руками за живот. Тело Лоры перелетело через дорогу и выкатилось на косогор. Лора лежала в зелени высокой травы, напротив неподвижного океана. Словно устала и прилегла отдохнуть... Если бы ее глаза не были закрыты, то можно было бы подумать, что она просто смотрит в небо.

— Лора, что же ты натворила? — Дейвид плакал навзрыд, сидя над бездыханным телом Лоры. — Что же ты наделала?! Зачем?!

Лора открыла глаза.

— Дейвид? — она посмотрела на него с удивлением. — Ты плачешь?

— Лора! Ты жива! Господи! Ты жива, Лора! Господи, какое счастье! А я уже похоронил тебя, Лора! Господи...

— Дейвид, нам надо вернуться, — прошептала Лора. — Мне надо в Потуа.

— Черт, нет! — несказанная радость Дейвида мгновенно сменилась ужасом и яростью. — Только не это! Черт! Черт! Нет!

— Мне надо в Потуа...

— Проклятый, проклятый городишко! — Дейвид схватился за голову.

Лора с невероятным усилием перевернулась на живот и поползла в сторону Потуа. Голова раскалывалась от боли. Руки и ноги еле слушались, и от них было мало проку — как плавники у касатки, выброшенной на берег.

Дейвид встал на колени и с искаженным от ужаса и бессилия лицом смотрел Лору.

— Лора, пожалуйста...

— Ты не понимаешь, Дейвид. Он пришел за мной. Я не могу его бросить...

Часть третья

*Машина так и не завелась —
что-то случилось с мотором.
Лора и Дейвид сидели неподалеку от дороги,
укрывшись в густом зеленом кустарнике.
Дейвид был в шоке.
Он испуганно смотрел на Лору,
недоуменно хлопал глазами и нервно тер
дрожащей рукой правое плечо.
Он ударился им о приборную доску.
И еще — грудью о руль.
Дышать было тяжело,
так что, похоже, он сломал себе ребро.
Лора медленно приходила в себя.
Голова раскалывалась от боли.
Отек, сковывавший ее до сих пор,
постепенно становился меньше,
но вместо немоты ноги и руки Лоры
теперь разъедаю саднящая боль ушибов.*

— Лора, это безумие, — бормотал Дейвид. — Просто безумие. Может быть, мне это только снится? Послушай, а Долли не могла нас разыграть?! — Тут взгляд Дейвида случайно упал на синяки, оставшиеся на запястьях и щиколотках Лоры. — Нет, не могла... Но как же это все? Безумие...

Лора молчала. Она задумчиво смотрела прямо перед собой, пытаясь понять, что ей теперь делать. Вернуться в Потуа? Рискованно. Как-то разузнать, где находится Анитаху? Можно попасть в ловушку. Связаться с полицией? У «Церкви» там должны быть свои люди, ведь кто-то их прикрывает. Каждый из вариантов, приходивших на ум Лоре, имел свои плюсы и минусы. Но главное — в них были неизвестные, много неизвестных и по несколько. А это значило, что надо полагаться на случай...

У Дейвида затрещал мобильный телефон. Дейвид вздрогнул. Лора обхватила руками голову.

— Долли, — воскликнул Дейвид, поглядев на экран, и с замиранием сердца нажал кнопку ответа. — Да, Долли, это я! Да — я! А кому еще быть по этому номеру?! Все в порядке. Конечно! Как ты?.. Что?! Заперли?! Где заперли? Как заперли? Вместо Лоры... — Дейвид

растеряно посмотрел на Лору, словно только сейчас ее увидел. — Не может быть, Долли. Не может быть...

— Дай трубку, — сказала Лора и, не дождавшись ответной реакции Дейвида, сама взяла мобильный телефон из его рук. — Алло, Долли! Это я — Лора.

В трубке раздался плач. Долли плакала — надрывно, безутешно, с обреченностью и отчаянием.

— Долли, слышишь меня? Слышишь? Не плачь, — утешала ее Лора. — Ну что ты плачешь?..

— Главное, чтобы у тебя все было хорошо, Лора, — сквозь слезы вымолвила Долли. — Главное, чтобы у тебя... Это я виновата. Я... А ты хорошая Лора. Ты очень хорошая, — Долли шмыгнула носом. — Правда. Ты всегда замкнутая была такая, тихая. Это потому что ты очень хорошая, Лора. Но тебя не ценили никогда. Несправедливо... Но ты цену себе не набивала, а ценят только тех, кто набивает...

Лора разговаривала со своей подругой и не понимала что происходит. Она никогда не слышала от Долли таких слов. Никогда не видела, чтобы веселая, беззаботная, живущая с показной легкостью Долли была в таком отчаянии. И зачем это покаяние?

— Господи, Долли, да что с тобой такое?.. — Лора сама чуть не расплакалась. — В чем виновата? Что ты придумываешь?..

— Я не придумываю, Лора. Не придумываю, — запротестовала Долли. — Я виновата. Надо было давно тебе все рассказать, а я побоялась. А ведь если бы я рассказала, ты бы замуж за Брэда не вышла. Поняла бы, почему он к тебе сватается — все из-за этих их порядков, и не пошла бы. А я не сказала. Знала, хотела, а не сказала. И вот во что ты превратилась сейчас... Тенью стала. Когда этот маори сказал, что ты мертва пять лет, я сразу поняла, почему пять. Потому что ты замужем за Брэдом пять лет. А ты его любить не можешь. Честно стараешься, но не можешь. Это потому, Лора, что любят тех, в ком глубина есть. А тех, у кого за душой ничего нет, как любить?..

— Долли, дорогая! — взмолилась Лора. — Пожалуйста! Ну, воспрянь духом... Хоть чуть-чуть. Мало ли мы ошибок делаем? Все ошибаемся. И я ведь сама за Брэда вышла. Думала, что смогу его полюбить. И вообще, хотелось жить как все... В общем, не твоя вина, Долли. Не убивайся так. А то совсем зауспокойный голос. Словно помирать собралась.

— А я и собралась, — ответила Долли и снова заплакала.

— Да почему же?.. — Лора испытала приступ отчаяния. — Это глупость какая-то... Не может быть. Ты-то тут причем?

— Они одного на другого легко меняют, — плакала Долли. — Им все одно. Только бы свой «Гнев» сделать...

— Долли, не плачь. Я вернусь в Потуа. Сегодня же вернусь.

— Не надо! — закричала Долли. — Слышишь — не надо! Теперь и меня не спасешь, и сама погибнешь! Нет, не надо!

— Ну что ж это такое-то... Долли, надо в полицию обратиться.

— Лора, Лора... — протянула Долли. — Наивная ты. Без толку. И если не меня, не тебя, то тогда они Симону, или Генри. На беду приехали... А я сама виновата. Заслужила. Завидовала я тебе, Лора. Всегда завидовала. Сама не понимала, а завидовала...

— Господи, Долли! Чему же? Чему?! — голова Лоры, словно сама собой, стала раскачиваться из стороны в сторону. — Нечего мне завидовать...

— Это тебе кажется так, — ответила Долли, и голос ее, наконец, выправился. — Есть чему, Лора. Есть. В тебе сила, решимость — терпеть ты умеешь. И ждать, и надеется, и верить — на все это сила нужна, огромная сила. И она у тебя есть. Настоящая. А я бы никогда не смогла. Никогда. Брэд ведь на мне сначала собирался жениться. Меня ему выбрали, а я струсила, отказалась наотрез, сказала — с собой покончу. А мне сказали, что тогда он Лору возьмет — тебя то есть. И я еще подумала тогда — Лора что угодно вытерпит, Лора справится, Лора сможет. Всегда тебе завидовала. Всегда. Даже тогда, в ту минуту отвратительную. Сейчас вспоминаю и мне самой от себя противно...

Лора молчала. Тяжесть, невыносимая тяжесть лежала у нее на душе.

— Это, Долли, все так — друг другу завидуют, — спокойным, но упавшим голосом сказала Лора. — Это все так. Я — тебе. Ты — мне. Все. И тут просто ошибка, Долли, просто ошибка. Ты не мне завидовала, ты себе завидовала. Могла стать такой, которой завидовала, а не стала. Всю силу свою на зависть истратила. И я могла быть свободной, но не стала, а просто завидовала тебе и тебя же еще корила за то, чего сама хочу. Вот. Так что не бери в голову. Не бери.

— Лора, Лорочка, милая моя! — причитала Долли. — Как же я люблю тебя. Как же люблю... И все так глупо, да? Ну, ладно. Ты, главное, живи. Хорошо?

— Господи, Долли, но неужели нельзя остановить их как-то?

— Остановить? Это война, Лора. Это война. Как тут остановишь?

— Долли, но за что воюют? — Лора никак не могла взять это в толк.

— Из принципа, — ответила Долли. — Для войны ведь одна вещь нужна — принцип. Больше ничего не нужно. Все остальное — только поводы да оправдания. Не нравитесь вы нам, вот и все, вот и весь принцип. Но это я по-женски говорю, конечно. Сейчас они допрос устраивали...

Все так — друг другу завидуют. Я — тебе. Ты — мне. Все, И тут просто ошибка, Долли, просто ошибка. Ты не мне завидовала, ты себе завидовала. Могла стать такой, которой завидовала, а не стала. Всю силу свою на зависть истратила. И я могла быть свободной, но не стала, а просто завидовала тебе и тебя же еще корила за то, чего сама хочу. Вот.

— Допрос? — не поняла Лора.

— Да, это у них что-то вроде суда.

— Над кем?!

— Над Анитаху, — сказала Долли и снова запричитала. — И зачем только он пришел к нам... И ведь знала же я, что этим кончится. И пошла все-таки. И тебя втянула.

— Над Анитаху, — беззвучно повторила Лора.

— Да! И они ему: «Будешь гореть в Аду, маори!» А он смотрит им в глаза и тихо-тихо так говорит: «Рая нет». Не убеждая, не объясняя, а просто так — «рая нет». И все. Не знаю, что это значит. Зачем он им говорил это? Не знаю. Принцип... Но они злились на это страшно, на эти слова. И били его, били... — снова разревелась Долли. — Плетьюми.

— Били... — прошептала Лора.

И в эту же секунду она почувствовала следы от ран на своем теле. Но не от своих ссадин и царапин, а от его — его ран, ран Анитаху. Длинными, обжигающими полосами они легли вдоль спины, покрыли грудь и живот. На миг Лоре показалось, что ее кожу вывернули наизнанку и облили спиртовым раствором. Она вскрикнула от боли и испугалась. Но тут же новое, странное, не знакомое прежде ощущение счастья объяло ее душу. Она стала *им*! Лора принимает *его* — своего Анитаху — боль, она избавляет *его* от боли. Она это делает! Она любит...

Голова закружилась. Лора стала ни то падать, ни то подниматься. Необыкновенное чувство. Словно ее подхватил мощный воздушный поток и, увлекая за собой, понес в неизвестное место. Быстро, стремительно, легко. У Лоры перехватило дыхание. Она понимала, чувствовала, что этот поток несет ее к Анитаху. Что сейчас она увидит его, сейчас прикоснется к нему, сейчас, еще одно мгновение — и она будет счастлива.

Предчувствия не обманули — Лора увидела Анитаху. Но вовсе не такой представлялась ей эта встреча. Страшная картина, представшая ее взору, как яркое, безжалостное солнце, выжигало глаза. Но Лора смотрела, не отводила глаз. Она смотрела на мучения своего Анитаху. На пытки и унижение, на боль и смирение любимого, бесконечно любимого ею человека... И единственное, что она могла сделать для него, — это быть рядом.

Ее словно окружала какая-то невидимая оболочка — живая, пульсирующая. Лора видела сквозь нее Анитаху, видела его мучителей. Видела все, но сама оставалась незамеченной. Анитаху был привязан к столбу на заброшенной дороге, ведущей в запретный лес Атуа-Тангиханга. Там, по преданию, сохранился языческий алтарь племени Нгати Уатуа. Лес считался проклятым. Говорили, что она населен «мертвыми духами».

Вокруг Анитаху друзья и приятели Брэда, жители Потуа. Во главе — отец Готлим. Одни глупо смеются, другие смотрят с ненавистью и страхом. Некоторые и вовсе спали с лица,

выглядят как покойники. Это казнь Анитаху — он «приговорен» к трем сотням ударов плетью. И если не умрет, его добьют камнями. Лора смотрела на этих людей и не могла понять — ни их самих, ни их жизни, ни их образа мыслей. Что они делают?!

— Анитаху... — позвала Лора.

Анитаху повернулся на ее голос. Он услышал! Анитаху повернулся и смотрел в пустоту, туда, где стояла Лора. Он смотрел и улыбался. Он слышит!

— Господи, я так люблю тебя, Анитаху! — заплакала Лора. — Я так люблю тебя! Я все вспомнила... Это ты. Ты пришел за мной. Да?

Анитаху улыбнулся и кивнул головой в знак согласия. Лора разрыдалась. Она закрыла лицо руками и плакала. Радость — неизмеримая, великая, распинаящая ее радость, смешалась в сердце Лоры с невероятной, беспредельной, неизбывной тоской.

И снова на тело маори посыпались жестокие удары хлыстом. Один за другим, один за другим.

Слезы застилали Лоре глаза. В эту секунду она бы отдала все на свете, чтобы стать кожей Анитаху. Чтобы принимать на себя его удары, забирать его боль. Страдать, но избавить его от страданий. Умереть, но дать ему жить. Но как?!

Глупо, ужасно глупо... Лора поймала себя на том, что завидует одежде Анитаху, остаткам его одежды. Эти лохмотья хоть чуть-чуть сдерживают силу удара. Пусть немного, пусть самую малость. Но они могут, а она — нет.

— Прости меня, Анитаху... Прости... — шептала она, кусая в кровь губы.

Анитаху удивленно повел бровью, словно спрашивал Лору: «За что? Ты ни в чем не виновата. Ни в чем».

— Но я... Я струсилась... — шептала Лора, утирая слезы. — Я боялась тебя. Я не верила, что ты — это *ты*. Что ты пришел за мной. Что ты любишь меня. Что ты можешь меня любить... Что я достойна твоей любви...

Лора плакала и боялась поднять на Анитаху глаза, боялась увидеть в них ответ. Узнать, что все ее страхи, все ее сомнения — правда. Что она никогда не будет счастлива. Что она недостойна такой любви, такого человека, такой жизни...

И все же невероятным усилием воли Лора заставила себя это сделать. Она заставила себя посмотреть на Анитаху. Пусть он скажет ей всю правду. О ее трусости и о ее малодушии, о ее слепоте и ущербности... Пусть. Пусть он это скажет. Только он.

Она подняла глаза.

Анитаху смотрел на нее с нежностью и любовью. В его глубоких, широко открытых глазах не было ничего, кроме теплоты и прекрасного света, идущего прямо к ней — от души к душе, от сердца к сердцу, в бесконечном пространстве духа.

Он упрекал Лору только в клевете, в клевете на саму себя: «Я люблю тебя, Лора. Как ты можешь так оговаривать себя?.. Я заглянул в твое сердце, и больше ничего мне не надо знать. Ты прекрасна. А я люблю тебя. Я люблю. Лора. Я люблю».

— Ты будешь гореть в Аду! — заверещал Брэд, выхватил плетень у палача, и бич засвистел в воздухе. — Как ты смеешь улыбаться?! Как ты смеешь, поганый маори?! Ты смеешься над нами?! Да?! Отвечай! Ты будешь гореть в Аду!

— Брэд! — закричала Лора и, хотя тот ее не услышал, бросилась к мужу. — Брэд, нет! Я не допущу! Слышишь меня — я не допущу! Ты не посмеешь! Нет!

Никогда еще Лора не позволяла себе перечесть мужу. Никогда еще она не говорила с ним таким тоном. Еще никогда в жизни она не говорила ему «нет». Потому в их с Брэдом браке у нее не было ничего своего — ни голоса, ни мнения, ни даже мысли. Но не теперь. Не теперь! Лора стояла между ним и Анитаху, закрывая маори всем своим телом. Она стояла как стена.

Брэд ее не видел, и не мог видеть, и он не слышал ее слов. Но он обомлел. Он словно ощутил исходящую от Лоры силу. Он потерял уверенность и запаниковал. Его рука, отведенная назад для следующего удара, замерла в воздухе, отяжелела и бессильно повисла вдоль туловища. В испуганных глазах Брэда Лора прочла ужас — это Бог вмешался! Бог!

«Нет, — подумала Лора. — Это не Бог, Брэд. Это я».

И может быть, только в эту секунду, здесь, на этой заброшенной, забытой Богом, поросшей травой дороге, стоя между мужем и любимым, Лора впервые за долгие годы ощутила

присутствие своей души. Словно она все это время была где-то не с ней. Словно ходила где-то — одна, неприкаянная, забытая, мертвая. А сейчас, в эту секунду, вернулась.

— Рая нет, Брэд, — прозвучало у Лоры за спиной. — Не старайся...

Лора обернулась. Это говорил маори. Только что бич прошелся по его груди, а концом рассек бровь. Кровь хлынула из раны, и теперь все его лицо стало бордово-красным. Но Анитаху даже не дрогнул. Мотнув головой, лишь затем, чтобы смахнуть с век кровь, он смотрел на Брэда. Он смотрел сквозь Лору и говорил тихим, спокойным голосом, который звучал как набат.

— Рая нет, Брэд, — самый пронзительный и самый честный из всех голосов. — Тебе не к чему стремиться. И тебе не перед кем выслуживаться. Ты свободен. Рая нет.

Мощный поток подхватил Лору и понес прочь. Уже сверху, обозревая эту картину издалека, Лора увидела, как на Анитаху набросились другие. Она видела, как на его тело и голову сыплются удары. Она видела и ничего не могла поделать. Поток, которому она не в силах была сопротивляться, нес ее прочь — над холмами и равнинами, к океану, к дороге.

Лора очнулась на земле. Открыла глаза и увидела склонившегося над ней Дейвида.

— Лора... Лора... — причитал он. — Господи, что же мы будем делать?.. Надо вызвать медицинскую помощь, а телефон сел. И в полицию не сообщить. И где Долли — неизвестно... Лора, что же нам делать?!

— Нет, мы должны идти, — вымолвила Лора, пересиливая жуткую, парализующую ее слабость. — Надо идти.

— Лора, ты же теряешь сознание. У тебя было сотрясение мозга. Ты не можешь. Мы должны как-то вызвать сюда врача...

— Нет, Дейвид, — решительно, хотя и все еще шепотом ответила Лора. — У нас нет времени. Мы должны идти.

— Но куда, Лора? Куда?!

— В Атуа-Тангиханга.

— К алтарю «сверхъестественных сил смерти»? — Дейвид обомлел от ужаса.

Сверхъестественные силы смерти — так дословно переводится с языка маори Атуа-Тангиханга. Никто из европейцев не решался ходить в этот лес. Никто, потому что за последнюю сотню лет, как говорят, еще ни один белый из него не возвращался.

— Да, — ответила Лора. — В Атуа-Тангиханга.

— Но это... Нельзя, — прошептал Дейвид. — Зачем?..

— Мы должны, — сказала Лора. — Я должна.

Лора не знала, почему она должна идти в Атуа-Тангиханга. У нее не было никаких объяснений своему решению. Она просто чувствовала. Она понимала это как-то внутри. И это была не интуиция. Это был внутренний голос. Настоящий — ее собственный — внутренний голос.

Лора ухватила за крупную ветвь куста, встала.

— Лора, подожди! — взмолился Дейвид. — Послушай меня! Это безумие!

— Нет, Дейвид. Как раз это не безумие, — ответила она и улыбнулась глазами, как смогла, сочувствуя всей своей прежней несчастной и бессмысленной жизни. — Я сейчас, знаешь, завидовала, стыдно сказать, одежде... Понимаешь? Глупо, но я завидовала тряпочке. Что она может помочь, а я — нет. Я ничем не могла помочь. Правда. Ничем. А потом я встала и сказала: «Нет!» Впервые. Первый раз за всю свою жизнь. Сказала — «Нет!». И случилось. Понимаешь? Подействовало. Я не завидовала. Я сделала. Я смогла.

— Лора, ты бредишь! — замахал руками Дейвид. — Ты ничего не говорила и не вставала! Ты была без сознания! Это тебе все привиделось! Это из-за травмы. Травмы головы! Это безумие — идти в Атуа-Тангиханга, Лора!

— Белые люди умеют говорить о том, в чем ничего не смыслят, — улыбнулась Лора и пошла на свет, раздвигая ветви кустарника. — Ты со мной?

Я сейчас, знаешь, завидовала, стыдно сказать, одежде... Понимаешь? Глупо, но я завидовала тряпочке. Что она может помочь, а я — нет. А я ничем не могла помочь, Ничем. А потом я встала и сказала: «Нет!» Впервые. Первый раз за всю свою жизнь. Сказала — «Нет!». И случилось. Понимаешь? Подействовало. Я не завидовала. Я сделала. Я смогла.

Она обернулась и посмотрела на растерянного, раздавленного случившимся Дейвида.

— Я? — переспросил он. — Я... Я не знаю.

— Ты Долли любишь? — спросила вдруг Лора, с добротой, с нежностью.

— Люблю, — ответил Дейвид, и на глазах у него появились слезы.

— Тогда надо идти, Дейвид, — Лора слегка качнула головой. — Если любишь...

До Атуа-Тангиханга нужно было идти через холмы, по заросшим лесным тропинкам, перебираться вброд через мелкие речушки, обходить небольшие озера. И Лора, и Дейвид едва держались на ногах, каждое новое препятствие для них становилось настоящим испытанием. Но они спешили. Они шли так быстро, как могли. Шли молча. Каждый думал о чем-то своем.

О чем думал Дейвид, Лора не знала. Время от времени она искоса поглядывала на него. Но он словно и не замечал этого. Запутавшийся, потерянный. Лора тоже бы запуталась, но она и до этого была в тупике. Так что теперь, несмотря на всю нелепость,

нелогичность, несуразицу происходящего, она, наоборот, испытывала какое-то странное облегчение. Словно нащупала долгожданный выход.

События последней ночи и этого утра складывались для нее в единую картину. Голоса — будто бы ангелы-хранители спустились к ней в самую страшную минуту и помогли понять что-то очень важное, ценное. Что-то, чего и не объяснишь словами, но ведь если сердцу понятно, то и объяснять не нужно. Потом воспоминание детства, как она впервые увидела Анитаху. И потом — как она защитила его от Брэда. Как сказала Брэду «нет».

— Ты боишься смерти, Дейвид? — спросила вдруг Лора.

— Смерти? — переспросил он.

— Да, смерти.

— Я пытаюсь о ней не думать, — серьезно ответил Дейвид. — Зачем? Мне не по себе становится. Не нужно о ней думать.

Дейвид посмотрел вперед — еще вон тот холм, потом спуститься в долину — и через полчаса хода Атуа-Тангиханга. Место, откуда живыми не возвращаются.

— Боюсь, — сказал вдруг Дейвид.

— А если я скажу тебе, что Ада нет? — спросила Лора и внимательно посмотрела на спутника.

— Если ты скажешь? — печально улыбнулся Дейвид. — Если ты скажешь, не перестану бояться.

— Ну, а если вот действительно ты будешь знать, что Ада нет — как тогда?

Дейвид задумался.

— Так, держись! — закричал он и подхватил Лору.

Лора споткнулась и чуть не упала с каменного уступа.

— Спасибо... — поблагодарила Лора.

— Знаешь, — сказал Дейвид, держа Лору за руку. — Я раньше верил в загробную жизнь. А потом как-то перестал. В Бога верю, даже в чудеса верю, а в культ, в религию, в то, что о Нем говорят — нет, не верю. Когда долго изучаешь культуру, науку, начинаешь понимать, что религия — это просто такая сфера жизни. Она не о Боге. Она о людях... Вот ты говоришь — «Ада нет». Это ведь не о религии речь, а о тебе.

— И что это обо мне говорит? — недоуменно улыбнулась Лора и поспешила вперед по тропинке.

— Ну, это говорит, что ты добрая, — сказал Дейвид, глядя ей в спину.

Лора смутилась и слегка покраснелась.

— Добрая... — протянула она.

— Да, добрая. И поэтому я тобой восхищаюсь.

— Восхищаешься? — не поняла Лора.

— Да, восхищаюсь, — серьезного ответил Дейвид. — Вот мы сейчас идем черт знает куда, на смерть, может быть. И я спрашиваю себя — зачем я туда иду? Какого черта? Почему бы просто не вызвать полицию? Или не найти, например, где-нибудь ружье и не наведаться в Потуа, чтобы перестрелять там всех к чертям? «В пределах самообороны»... Но нет. Я иду в Атуа-Тангиханга, откуда еще никто живым не возвращался. И у меня нет ответа — зачем я туда иду. Просто иду, и все. Я иду. Понимаешь?

— Нет, — честно призналась Лора.

— Ну, просто я смотрю на тебя — и не могу тебе не верить. Точнее, могу не верить... Даже не верю, что надо идти в этот дьявольский лес. Но ты говоришь, что надо, и я иду. Ведь убеждают не слова, а поступки. Человек может говорить умные вещи, но его никто не услышит. Доводы не убеждают, доказательства не убеждают. Поступки убеждают. Только они. И если человек так действует, что это восхищает людей, то скажи он им, что «Ада нет», и они ему поверят. А скажи он — «Ад есть», и ему тоже поверят. Все думают, что дело в религии, а это не так. Дело в людях...

— Восхищение... — задумалась Лора. — А что ты скажешь о человеке, который говорит, что Рая нет?

Дейвид рассмеялся.

— Почему ты смеешься? — удивилась Лора.

— Ну, это старый спор маори с миссионерами... — пояснил Дейвид. — Он уже легендой стал.

— Да? А я не знала.

— Старый спор, — повторил Дейвид. — Не спор даже, а такая... Не знаю. Обличающая история. Или нет, не обличающая? Не знаю, как сказать. В общем, когда миссионеры рассказывали маори об Аде, те слушали спокойно. Но когда миссионеры стали рассказывать о том, что такое Рай, маори почему-то запротестовали. Миссионеры были очень удивлены и продолжали настаивать на существовании Рая. А маори — ни в какую... Ад, может быть, и есть, а Рая нет, и все туг.

— А почему маори говорили им, что Рая нет?

— Индейцы живут в неизменном мире. В их мире все постоянное, вечное, ничто принципиально никогда не меняется. И поэтому, если ты живешь хорошо, красиво, полнокровно, счастливо — это значит, что, и когда твой дух покинет тело, он будет чувствовать себя так же. Для них Рай — вот он...

И Дейвид показал вокруг — на небо, на бескрайние, зеленые, удивительно красивые земли, на океан, виднеющийся вдалеке.

Ведь убеждают не слова, а поступки. Человек может говорить умные вещи, но его никто не услышит. Доводы не убеждают, доказательства не убеждают. Поступки убеждают. Только они. И если человек так действует, что это восхищает людей, то скажи он им, что «Ада нет», и они ему поверят. А скажи он — «Ад есть», и ему тоже поверят. Все думают, что дело в религии, а это не так. Дело в людях...

— Не понимаю, — Лора задумалась. — А почему тогда они согласились с тем, что Ад есть?

— Дейвид снова рассмеялся — тихо, еле слышно:

— Ну, Лора, они смотрели на миссионеров и думали — если этим людям нужен Рай, значит, они живут в Аду, а если они живут в Аду, то, видимо. Ад есть. Вот такое рассуждение, или примерно такое.

— А Рая-то тогда почему нет? — Лора растерянно развела руками.

— А Рай — вот он! — Дейвид улыбнулся и снова обвел глазами окружающий мир. — Но это не Рай, конечно. Это жизнь. В общем, если жизнь — Рай, то и не надо тебе никакого Рая. Иди и смотри...

— Иди и смотри, — повторила Лора, вспомнив слова старого маори. — Иди и смотри.

— Да, — подтвердил Дейвид, не вполне понимая, с чем именно он соглашается. — Это твоя жизнь — иди и смотри.

*Лора и Дейвид выбились из сил.
У Лоры ныли колени
и раскалывалась голова.
С каждой минутой Дейvidу
становилось все тяжелее дышать.
Он выглядел не просто болезненно,
он был ни жив, ни мертв.
Они шли, поддерживая друг друга.
Молча. И уже, кажется, ни о чем не думали.
Только бы дойти. Только бы выдержать.
А вокруг пели птицы, благоухали цветы,
зеленела крона вековых деревьев,
солнце наполняло мир светом.
Рай.*

Атуа-Тангиханга уже был хорошо виден — темный, высокий лес, совсем не похожий на другие в этой части острова. На Южном острове встречаются подобные леса, но здесь, на теплом — Северном, нет. Даже не лес, а словно какая-то крепость — неприступная, с глухими стенами, пугающая одним своим видом.

— Боишься? — тихо спросила Лора.

— Боюсь. Не по себе, — признался Дейвид. — Понимаешь, это как бы дом духов. Я не очень верю в мистику, но это научно зафиксированный факт — если маори нарушает табу, он умирает. А если маори заболит, то шаман племени вылечит его быстрее любого нашего врача. Часто медики даже отказываются лечить маори, потому что понимают — если кто и может спасти больного, то только шаман.

— Да, я слышала, — тихо отозвалась Лора.

— А в Атуа-Тангиханга живут духи умерших, — продолжил Дейвид. — Это место — табу. Его могут посещать только шаманы маори. И только в определенные дни. Зачем мы идем сюда, Лора?

— Я не знаю... Но...

— Что — но?

— Вот там, за лесом дорога, которая ведет к Потуа. Мы ведь объехали по берегу кругом. И на той дороге сейчас Анитаху. И Долли, я думаю, привезут туда же. Мы можем обойти Атуа-Тангиханга и сразу добраться до места. Но случайно ли путь к тем, кого мы любим, лежит через Атуа-Тангиханга?

— Ну, я бы, наверное, сказал, что случайно, — Дейвид пожал плечами, но было видно, что он не спорит, он просто говорит, как бы он думал.

— А мне кажется, что это не случайно, — задумчиво сказала Лора. — Чем важнее цель, тем тяжелее путь. Вот ты сказал про восхищение, и я подумала...

— Что, Лора?

— Я подумала, что завистнику всегда кажется, что человеку, которому он завидует, все далось легко. Просто повезло. Я так тоже раньше думала. Я вот думала, например, что Долли легко далась ее свобода. Что она от рождения своенравная — вот и живет, как хочет. А сегодня говорила с ней по телефону и поняла, что она свою свободу выстрадала. Мне больно, конечно, что она сделала... Из-за Брэда. Но еще я поняла, вдруг, что я ею восхищаюсь. Тяжело ей было, очень. А я не понимала. Никогда. Думала — само собой.

Лора замолчала. Она говорила сбивчиво, но вдумчиво с чувством.

— И?.. — протянул Дейвид.

— И вот я думаю, что есть восхищение, а есть зависть. И ведь одно и то же у одних вызовет зависть, а у других — восхищение. И я думаю, что зависть — она от глупости, от узости ума, от бедноты души. Она говорит о человеке, показывает его подлинное лицо. А восхищение — оно наоборот, оно от сердца, от глубины, оно — настоящее. Если человек умеет восхищаться и признается в этом — он красивый человек. Это же понятно, Дейвид.

— И?.. — снова сказал он.

— И я думаю, что мы должны совершить сейчас невозможное. Долли знает больше нашего, и вот она говорит — «не рассчитывайте, вы ничего не сможете сделать, это война». Как остановить войну? Как убрать этот принцип, о котором она говорила? Невозможная задача, непосильная.

Есть восхищение, а есть зависть. И ведь одна и то же у одних вызовет зависть, а у других — восхищение. И я думаю, что зависть — она от глупости, от узости ума, от бедноты души. Она говорит о человеке, показывает его подлинное лицо. А восхищение — оно наоборот, оно от сердца, от глубины, оно — настоящее. Если человек умеет восхищаться и признается в этом — он красивый человек. Это же понятно.

— И? — в третий раз спросил Дейвид.

— И вот я думаю, что если пойдем простым путем, у нас ничего не получится. А если преодолеем самое большое препятствие, то невозможное станет возможным. А какое у нас самое большое препятствие? Вот этот лес. И он стоит прямо у нас на дороге. Он наш дух испытывает, Дейвид. Потому что если мы струсим, а я ведь тоже боюсь, то кто мы? И чего стоим? Мы никто и ничто. Потому что — или страх, или человек. Я так понимаю. Середины нет. Что ты улыбаешься?..

— Улыбаюсь? — переспросил Дейвид, но тут же согласился: — Да, улыбаюсь. Просто логика...

— Что — логика?

— Женская логика, — смущенно пожал плечами Дейвид. — Вот мужчина никогда бы не стал так думать. Просто не смог бы. И если бы решил оспаривать эти выводы, то обязательно бы оспорил. А я восхищаюсь. Потому что и я тоже чувствую, что надо через этот проклятый лес идти. Только где-то в глубине души чувствую, очень глубоко. И я не знаю — зачем? У меня нет разумных доводов. И сам бы я не пошел. Ни за что. Но, ведь, я искал доводы, как не *пойти*, почему не *верить* тому, что у меня на сердце. А ты почувствовала и искала доводы, почему *надо идти*. Искала и нашла, и объяснила. Хотя странно, конечно. По-женски...

Лора посмотрела на Дейвида, остановилась и обняла его.

Он ответил ей тем же.

— А что, если мы умрем? — шепнула ему на ухо Лора.

— Но ведь Ада же нет... — тихо улыбнулся Дейвид.

— Но и Рая нет...

— А если Рая нет, тогда все, что ты говоришь, правда. И мы не умрем, — Дейвид погладил Лору по голове.

— И тогда будем жить!

— Да, Лора, мы будем жить! По-настоящему.

Лора слегка отстранилась от Дейвида и посмотрела ему в глаза с искренней благодарностью.

— Я тобой тоже восхищаюсь, Дейвид...

— Мной? — удивился он.

— Да.

— Ну а мной-то почему?

— Не знаю, — ответила Лора и улыбнулась. — Не знаю. Просто. За все.

— Хорошо, — Дейвид слегка отвернулся, чтобы Лора не заметила, что у него на глазах появились слезы. — Мы пришли.

Лора и Дейвид стояли перед Атуа-Тангиханга. От него веяло холодом. Сверхъестественные силы смерти...

Когда Лора и Дейвид вошли в лес Атуа-Тангиханга, на секунду им показалось, что наступила ночь, что произошло солнечное затмение и земля погрузилась во мрак.

— Лора, куда нам идти? — шепотом спросил Дейвид.

— Мы пойдем прямо, Дейвид. Только прямо, — ответила Лора.

Они держались за руки, ступая по черной земле. Коряги и опавшие листья создавали под ногами преющее месиво. Казалось, вокруг нет ничего живого. Редкая трава, выросшая без света, походила на белесых, бесцветных червяков. Голые стволы частоколом стоящих деревьев создавали ощущение бесконечного лабиринта.

Через какое-то время смрадный запах гниения внезапно ударил путникам в нос. Лора даже закашлялась. Они с Дейвидом закрыли руками и рот, и нос. Запах был настолько едким, что он жег глаза. Путники осмотрелись по сторонам. И сначала ничего особенного не заметили. Только вот почему-то опавших древесных ветвей стало больше...

— Черепа, Лора! — шепотом воскликнул Дейвид. — Это кости! Человеческие кости!

От ужаса Лора чуть не потеряла сознание.

— Нет, не может быть... Не может быть... — повторяла она, бессильно пятясь назад и машинально хватаясь за сухие ветви деревьев. — Что же это?.. Как же?..

Но Дейвид стоял на месте. Стоял не шевелясь, словно окоченел.

— Легко рассуждать о смерти, — тихо сказал он. — Рассуждать мы умеем. А вот сейчас посмотрим ей в лицо — внезапно, открыто. И ужас в душе, да?

— Да, — прошептала Лора.

— И Долли еще сегодня утром ничего не подозревала. И Анитаху — тогда, два дня назад, танцую возле костра — тоже не знал. А теперь они смотрят. Смотрят ей в глаза, своей смерти. Смерть приходит внезапно, без предупреждения. Она приходит, чтобы заглянуть тебе в душу. И что делать с тобой, она узнает, увидев ответ в твоём сердце. Маори, нарушивший табу, умирает. Но не потому, что так действует на него злое проклятье, а потому, что он не может выдержать этого взгляда — взгляда своей смерти, глаза в глаза. И если он верит, что умрет, хоть чуть-чуть, самую малость, — то обязательно умирает. А если не верит в смерть, то не умрет никогда. И вот я всегда думал — как это будет? Выдержу ли я, если так случится — повидаться с ней, с моей смертью...

— И что?.. — еле слышно спросила Лора.

— Я смотрю...

— Смотришь?

— Да.

— И что, Дейвид? Что?

— Я понимаю, что просто не могу умереть. Просто не могу. Не могу тебя здесь оставить. Не могу Долли бросить в беде. Не могу... Я буду жить, Лора. Я должен. Я хочу.

Смерть приходит внезапно, без предупреждения. Она приходит, чтобы заглянуть тебе в душу. И что делать с тобой, она узнает, увидев ответ в твоём сердце. Маори, нарушивший табу, умирает, потому что он не может выдержать этого взгляда — взгляда своей смерти, глаза в глаза. И если он верит, что умрет, хоть чуть-чуть, самую малость, — то обязательно умирает. А если не верит в смерть, то не умрет никогда.

Лора смотрела Дейвиду в спину. Смотрела, и в ней боролись два чувства. Она завидовала его решимости, как он совсем недавно завидовал ее готовности идти на верную смерть. Впрочем, нет, он не завидовал. Он восхищался. И это было сейчас вторым ее чувством: Лора восхищалась им — Дейвидом.

Но тут же она вспомнила Анитаху. Увидела его, словно он сейчас стоял перед нею. Она увидела его там — истекающим кровью на дороге от Потуа к Атуа-Тангиханга. Глаза закрыты. Дыхания не слышно. Он бессильно повис на веревках. А вокруг эти люди, эти ужасные, жестокие, бессердечные, глупые люди.

Анитаху — ее Анитаху — тоже смотрит сейчас в глаза своей смерти. И Лора шагнула вперед. Она шагнула вперед, бросая вызов себе, своему страху. Она — Лора — не может умереть. Это неправда. Просто не может. И в ней нет ни тени сомнения. Она не умрет. Нет. Не умрет, И это не убеждение, не мысль. Это уверенность. Она знает.

Поравнявшись с Дейвидом, Лора заметила впереди какое-то движение. Черные как смоль глаза смотрели на нее из мрака. Словно дикий зверь — огромный, безжалостный, злой — буравил ее бесчувственным, голодным взглядом. Зверь плавно передвигался из стороны в сторону, словно подыскивая лучшую позицию для прыжка.

— Пойдем, Дейвид, — сказала Лора. — Нам нужно идти. Нас ждут.

Лора взяла Дейвида за руку и шагнула вперед. Зверь ни шелохнулся. Он замер. Жертва сама идет к нему в руки. Он замер, он ждет.

— Дейвид, — Лора повернулась к нему и посмотрела в его бледное, едва различимое в темноте лицо. — Я знаю, почему я тобой восхищаюсь. Ты самый лучший друг. Самый лучший. Настоящий. Я еще никогда таких не видела. Пойдем. Мы сможем.

И Дейвид, улыбнувшись Лоре уголками губ, шагнул за ней следом. Шагнул навстречу своему чудовищу.

То, что происходило дальше, Лора не смогла бы описать словами. Нужно представить себе безумный, шквалистый ветер, сбивающий тебя с ног. Торнадо. Но только это не ветер, не воздух, а пространство. Лора чувствовала, что она словно бы идет в противоход пространству. За пределы пространства. А оно сопротивляется, не пускает ее, держит и с невероятной силой тащит обратно.

В ушах стоял невыразимый, чудовищный, ужасный свист или даже скрежет. Лора одновременно и двигалась, и стояла на месте. Но вдруг все ее тело, под действием силы надвигающегося на нее пространства, начало отделяться от Лоры, слущиваться, сходить, как змеиная кожа, омертвляться, превращаться в прах, в пепел. Прямо на глазах у Лоры! Она горела заживо! И продолжала идти...

— Анитаху! Анитаху! — кричала Лора. — Не умирай, Анитаху! Я иду! Я иду к тебе, Анитаху! Я иду! Только не умирай!

Хлопок, словно выстрел. Вспышка света. И тишина.

Лора лежала на чем-то мягком и слушала пение птиц. Удивительное, проникновенное пение птиц. Они пели весело — эти райские птицы. Лора открыла глаза и увидела над собой бездонное небо — чистое, без единого облачка. И в этом небе, высоко-высоко, прямо над Лорой, парили прекрасные птицы. Красивые — с размахистыми крыльями, чудесным хвостом и диковинным хохолком на голове.

— Это — Птица-Моа, — услышала Лора и посмотрела чуть в сторону.

Рядом с ней на небольшом пригорке сидел старый седой индеец. Все его широкое морщинистое лицо покрывала татуировка маори. На щеках лежали распахнутые крылья птицы. Лоб украшал ее чудесный хвост. А голова и диковинный хохолок уместились у него на губах и

подбородке. Длинные волосы индейца были убраны на затылок, а из копны седых прядей выглядывали два ярких пера.

Лора узнала его и заплакала. Это был отец Анитаху.

— Где я? Он жив? — спросила она.

— Я назвал его Анитаху, что значит — возлюбленный, — ответил старик. — И пока ты его любишь, Лора, он не умрет.

— Не умрет, — еле слышно повторила Лора, глотая слезы счастья, и от необыкновенной усталости» внезапно обрушившейся на нее, закрыла глаза. — Это Рай? — спросила она через минуту.

— Нет, Лора, — улыбнулся индеец. — Рая нет. Это Центр Мира.

— А как я сюда попала?..

— Это Центр Мира, — повторил он. — Ты всегда была здесь.

— Но почему я не видела?

— Страхи застилали тебе глаза, — пожал плечами старик. — Я же говорил тебе — все просто. И если ты видишь это, ты испытываешь радость.

— Птица-Моа — воплощение простоты и веселья, — вспомнила Лора. — Она ждет, когда люди проснутся от своего долгого сна и вернуться к самим себе.

— Да, и сейчас ты вернулась...

— Но как же Анитаху? Где он?

— Вот, — старик вынул из своих волос перо и подал его Лоре.

Яркое перо Птицы-Моа отливало тысячью цветов и оттенков. Лора невольно залюбовалась этой красотой и, вдруг, увидела ужасающую картину. Как будто кто-то огромным кулаком ударил по внутренней поверхности океана. Земля содрогнулась, водная масса вздыбилась и поднялась высокой волной. Немыслимая энергия стихии с бешеной скоростью неслась на близлежащий берег...

— Что это?.. — прошептала Лора.

— Это Папатуануку — Мать-Земля, прародительница всего живого — приказала богам: Тангароа — богу морей, и Тавхириматеа — богу ветров и ураганов, выполнить ее волю.

— А какова ее воля?.. — еле смогла вымолвить Лора.

— Она просто защищает своего сына, — пожал плечами старик и раскурил трубку.

Лора вновь посмотрела на перо, испуганная и замороженная открывшимся ей зрелищем. На ее глазах огромная волна цунами обрушилась на Потуа и смыла его в океан. Как будто бы он был и ненастоящий. Просто картонный муляж городка, пробный и неудачный вариант мира, когда-то забытый здесь Богом. А теперь океан подошел, открыл свою пасть и проглотил небольшой участок суши с этой неудачной поделкой. Потуа перестал существовать. Словно его и не было никогда. Никогда.

— Но как же Анитаху? Как Долли?! — Лора испуганно посмотрела на старика.

— Завидев волну, жители Потуа бросились спасать свои дома, — тихо и размеренно сказал он. — А Анитаху и Долли так и остались — на дороге, ведущей в Атуа-Тангиханга.

— Так с ними ничего не случилось? — с надеждой воскликнула Лора.

— Пока те, кто их любит, находятся в Центре Мира, с ними ничего не может случиться... — улыбнулся индеец, глядя на Лору, как на неразумное дитя.

— Так значит, мы с Дейвидом не зря сюда шли! — воскликнула Лора.

— Вы зря отсюда уходили, — улыбнулся старик, встал и пошел прочь.

Прекрасные Птицы-Моа немедленно слетелись со всех сторон и окружили его. Огромной стаей они вились у него над головой, летели рядом, спешили за ним по земле. Ласкались, жались к старику, нежно касались его тела своими разноцветными перьями и весело щебетали.

— Иди к Анитаху! — крикнул индеец, не оборачиваясь. — Он ждет тебя! Ждет...

Лора вскочила и бросилась бежать — наугад не различая дороги, даже не успев сообразить, в каком именно направлении надо двигаться и где здесь выход. Вдруг она задумалась об этом, растерялась, замедлилась, и тут же, в эту же самую секунду, ее нога

зацепилась за какое-то препятствие, и... Лора подняла голову от земли. Чуть выше на дороге, вверх по склону холма стоял Анитаху, привязанный к столбу, истекающий кровью, бездыханный. Долли и Дейвид сидели на земле неподалеку. Дейвид держал на руках голову любимой и оба они плакали — не то от счастья, не то от горя.

— Анитаху! — закричала Лора и стала карабкаться вверх.

Поравнявшись с Дейвидом, она увидела его глаза — в них были скорбь и сострадание. Лора перевела взгляд на Долли — в ее глазах были вина и сочувствие.

— Не может быть! — прошептала Лора. — Не может быть! Старик сказал, что этого не случится... Ничего не случится...

Лора упала, оцарапалась. Снова вскочила и побежала вверх.

Анитаху действительно не дышал. Кровь запекшимися сгустками лежала на его лице и теле.

— Любимый, любимый... — шептала Лора, распутывая дрожащими руками веревки.

Тело Анитаху медленно опустилось на камни. Лора легла рядом. Рядом — как всегда мечтала. Она целовала его губы — нежно, словно цветки алых роз. Она гладила его волосы и плакала, а ее слезы капали на его лицо. На это любимое, на это бесконечно любимое ею лицо. Лора омыла его своими слезами.

«Это Птица-Моа, — вспомнила Лора. — Если бы ты подружилась с ней, то могла бы сесть ей на спину, и она бы отнесла тебя в самые чудесные уголки мира. Она показала бы тебе, как величественна и красива земля и сколько мудрости в ее простоте».

Лора чуть повернула голову, словно испытыв какое-то притяжение, и увидела рядом с собой перо. То самое, Птицы-Моа, которое дал ей старик. Лора потянулась к нему. Оно было теплым, даже горячим. Лора печально улыбнулась, глядя на его тысячи цветов и оттенков, и с любовью вправила в волосы Анитаху.

Они лежали на зеленой траве. Он и она. Лора прижималась к нему и была счастлива — каждым прикосновением, каждым взглядом, каждой минутой. Он был таким красивым... даже для маори.

— Весной у тебя родится сын, — сказал Анитаху.

— Сын? — Лора слегка приподнялась на локте, игриво посмотрела Анитаху в глаза, смутилась, покраснела и, совершенно счастливая, положила свою голову на его теплую, мягкую как бархат грудь.

— Да, сын. И он будет наполовину маори, а на половину белый — как ты.

Лора улыбнулась и нежно обняла Анитаху.

Пока мы любим, с любимым ничего не случится. Потому что истинно любящий — он в Центре Мира. Его больше не влечет Рай, и он совсем не боится Ада. Он просто живет. Он живет просто. Просто и счастливо.

Иди и смотри.

Эпилог

— Я всегда считал, что зависть — это просто какая-то ограниченность. Ну, право, это же совершенно бессмысленно — завидовать, — Андрей развел руками. — Неэффективная стратегия! Она ни к чему не ведет. Человек просто нагнетает вокруг себя негатив — и все. Только ему самому хуже становится. Если тебе что-то нравится, ну походи и сделай это! Добейся желаемого. Все же зависит только от тебя. Но тут, когда Долли сказала Лоре: «Ты что, мне завидуешь?» — я задумался. Я подумал: а почему, завидуя, люди не признаются себе в этом? Ну действительно, это ведь странно... Конечно, мы с трудом признаемся себе в своих недостатках, но зависть — это то, в чем человек никогда себе не признается! Никогда! В эгоизме с грехом пополам — может. В стремлении доминировать — да, если сильно постарается. А в зависти — нет. Почему?

— Да! — подхватил Данила. — И когда Андрей задал этот вопрос, меня как осенило. Лора постоянно думала о своих детях.

Она думала о себе, как о матери. Она представляла себе, как она с ними живет, как она за ними ухаживает, как они ее любят. Словно бы это какие-то две разные Лоры: одна — та, которая мечтает, а другая та, о которой она мечтает.

— Завидует самой себе? — уточнил Гаптен.

— Именно! — подтвердил Данила. — И когда мы с Анхелем поняли это, мы и решились поговорить с Лорой.

— И так и вышло! — воскликнул я. — Она сама это поняла.

— Просто срефлексировала, — поправил меня Андрей.

— Что? — не расслышал Данила.

— Срефлексировала — отдала себе отчет в том, что с ней на самом деле происходит. Взглянула на себя с другой стороны. Обычно мы смотрим на себя с какой-то определенной точки зрения. И многого не видим, не замечаем, не понимаем, а рефлексировав, то есть отдавая себе отчет в собственном поведении — мыслях, чувствах, реакциях, — мы видим эти «слепые пятна».

— Это как «слепая зона», когда ведешь машину? — спросил Данила.

— Ну, да, — рассмеялся Андрей. — Передний обзор и зеркала заднего вида все равно оставляют какую-то «слепую зону». Водитель не видит всего, что происходит вокруг него на дороге. И поэтому бывают аварии, когда другая машина попадает в «слепую зону» этого водителя.

— А эта рефлексия — как круговой обзор, — сообразил Данила. — Полный.

— Да, примерно так, — улыбнулся Андрей. Он всегда в большом восторге от очень точных аналогий, которые приходят в голову Даниле.

— И еще меня смущало, — добавил Данила, — что Лора постоянно думала: «мне не везет», «мне не повезло», «у других — да, а у меня — нет».

— Это называется в психологии «экстернальная ориентация», — объяснил Андрей.

— Экстраверты, что ли? — не понял Данила.

— Нет, экстраверты — это люди, которые больше живут внешним миром, такие общественные существа. Это другой термин. А экстерналы — это люди, которые не умеют рассчитывать на себя, на свои силы. Все ждут, что им улыбнется удача. Они верят не в успех, а в удачу. Понимаешь разницу?

— То есть надеются не на результаты собственных усилий, а на случай? — уточнил Данила.

— Да. На случай, на расположение звезд, на что угодно, только не на себя, — Андрей утвердительно покачал головой. — И поэтому, оказавшись в трудной жизненной ситуации, они теряются и не знают, что делать.

— Ведь именно это и было с Лорой! — воскликнул я.

— Совершенно верно, — согласился Андрей.

Данила задумался.

— А знаете, — произнес он через какое-то время, — это ведь правда, что одному что-то дается легче, чем другим. Но стоит ли ему завидовать?

— Я полагаю, за него надо радоваться! — улыбнулся Андрей.

— Да, это правда, — согласился Данила.

— А я думаю, что у каждого человека есть что-то, что может получиться у него лучше, чем у других, — сказал я. — У каждого. Просто кто-то развивает и совершенствует свой дар. А кто-то сидит и завидует другому.

— И мы возвращаемся к главному, — Андрей положил руку мне на плечо. — Что такое зависть?

— Зависть — это, когда ты, вместо того, чтобы быть собой, пытаешься быть другим, — сказал Данила.

— А теперь вспомните третью Скрижаль, — сказал вдруг Андрей.

— Третью Скрижаль? — мы с Гаптенем, удивившись, произнесли это хором.

— Да, третью Скрижаль, — повторил Андрей. — Я думаю, что Печати как-то связаны со Скрижалями.

— Связаны? — от удивления у Гаптена поднялась бровь.

— Вы же меня знаете! — рассмеялся Андрей. — Для меня это что-то вроде задачи. Вот первая Печать. Она о чем? Она о власти. А первая Скрижаль? Об отказе от собственного «я». И тут полное совпадение! До тех пор, пока ты пытаешься взять верх, твое «эго» только усиливается. Поэтому-то так и страшна первая Печать — она не позволяет нам отказаться от иллюзорного «я», о своего «эго».

— Точно! — Данила был потрясен, как, впрочем, и мы с Гаптенем. — Ну ты даешь! Математик! Голова!

— Данила, перехвалишь... — Андрей посмотрел на Данилу со своим фирменным прищуром.

— А вторая Скрижаль тоже связана со второй Печатью? — вклинился Гаптен.

— И вторая связана, — уверенно и по-деловому констатировал Андрей. — Вторая Скрижаль о «Другом», о том, что надо увидеть «Другого», индивидуальность другого. То есть, грубо говоря, мерить его не своей меркой, а видеть его как Откровение, которое ни с чем нельзя сравнивать. И теперь думаем о второй Печати. Что такое «эгоизм»? Это заикленность на самом себе, когда другие люди для тебя только безжизненные куклы. Очевидно, что в этом и состоит главное препятствие ко второй Скрижали!

— Ну что я говорю! Голова! — Данила был в восторге. — Вот что значит любовь к порядку! Я бы никогда в жизни все это так не сопоставил!

— А я и подавно! — подхватил я. — Я, наоборот, все в общем вижу. А так, чтобы картинку собрать из элементов...

— Ну, а третья?! — встревоженно спросил Гаптен.

— Господи, Гаптен! — воскликнул Данила. — А чего ты так волнуешься?..

— Волнуюсь?! — Гаптен даже вздрогнул. — Конечно, волнуюсь! Если Андрей прав и Скрижали настолько связаны с Печатами, то мы сразу получаем фору! Мы сможем точнее предугадывать возможные движения Тьмы! Конечно, я волнуюсь!

— Точно! — я оторопел. — Точно!

— Ну — третья?! — Данила нахмурился и внимательно посмотрел на Андрея.

— В третьей Скрижали речь шла о выборе, — Андрей даже кашлянул от напряжения, — так мы на него устались. — Смысл такой: каждый человек должен сделать свой выбор. И что большинство выборов — это иллюзия. Настоящий выбор — это выбор между иллюзией и настоящим. И вот третья Печать. Она открывает нам третью Скрижаль с новой стороны. Она показывает нам, в чем здесь главное препятствие. Просто говоря — зависть. А если глубже, — нужно не смотреть на других и думать, как у них все хорошо и замечательно, а увидеть себя, начать делать себя, и только тогда тебе откроется то настоящее, которое все мы ищем,

— Сходится! — воскликнул Гаптен. Давно я не видел его таким счастливым.

— Так что же это получается? — от удивления Данила заморгал. — Получается, что мы не просто препятствуем воплощению Тьмы, мы фактически только теперь получим истину Скрижалей!

— Ну, я же вам говорил, — Андрей развел руками. — Во мне нет Скрижали, и не было никогда. Лично мне Тьма не угрожала, должна была, потому что все Избранные с ней столкнулись! Это условие! Но зато она нам всем четверым сейчас угрожает. Поэтому только сейчас мы и ищем седьмую Скрижаль. Все вместе. Она по-настоящему и откроет предыдущие шесть.

— Изменит сознание... — прошептал Данила.

— Если, конечно, мы доведем эту партию до конца, — сказал Гаптен, насупился и почесал затылок.